

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра славянских литератур

МОРОЗОВА
Алина Александровна

БУНТАРСКИЕ МОТИВЫ В ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ
РУБЕЖА XIX-XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
С. КОСТКИ-НЕЙМАНА, Ф. ГЕЛЛНЕРА И Ф. ШРАМЕКА

Дипломная работа

Научный руководитель:
Кандидат филологических наук,
доцент Вострикова Е.В.
Рецензент:
Кандидат филологических наук,
доцент Дюкова Э.Ю.

Допущена к защите

« ___ » _____ 2016 г.

Зав. кафедрой славянских литератур

доктор филологических наук, профессор Черота И.А.

Минск, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАСПАД БУНТАРСКОЙ ГЕНЕРАЦИИ ...	10
1.1. Проблема восприятия генерации	10
1.2. Формирование генерации	11
1.3. Распад генерации	14
ГЛАВА 2. СТАНИСЛАВ КОСТКА-НЕЙМАНН КАК ГЛАВА ГЕНЕРАЦИИ БУНТАРЕЙ В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	19
2.1. Идейное и творческое становление С. Костки-Нейманна.....	19
2.2. Тематическое своеобразие С. Костки-Нейманна в сборниках «Немезида, хранительница добродетельных» (1895), «Апострофы гордые и страстные» (1896), «Слава сатаны между нами» (1897), «Сон об отчаянной толпе» (1903)	22
ГЛАВА 3. ФРАНТИШЕК ГЕЛЛНЕР КАК ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БУНТАРСТВА В ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.	27
3.1. Формирование Франтишка Геллнера как человека и творческой личности	27
3.2. Тематическое своеобразие романа в стихах «Радости жизни» (1903)	36
ГЛАВА 4. ФРАНЯ ШРАМЕК КАК БУНТАРЬ-АНАРХИСТ И ТОНКИЙ ЛИРИК В ОДНОЙ ИПОСТАСИ.....	45
4.1. Двойственность Ф. Шрамека как поэта и человека	45
4.2. Сдержанность бунтарской поэзии Ф. Шрамека в сборниках « Горькая жизнь, все равно я тебя люблю» (1905) и «Голубой и красный» (1906).....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	52

РЕФЕРАТ

Морозова Алина Александровна

«Бунтарские мотивы в чешской поэзии рубежа XIX-XX вв. на примере творчества С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера и Ф. Шрамека»

Объем: 53 страницы, 45 использованных источников.

Ключевые слова: ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ, ГЕНЕРАЦИЯ БУНТАРЕЙ, АНАРХИЗМ, РУБЕЖ XIX-XX ВВ., НОВЫЙ КУЛЬТ, С. КОСТКА-НЕЙМАНН, Ф. ГЕЛЛНЕР, Ф. ШРАМЕК.

Объект исследования: бунтарская поэзия С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера и Ф. Шрамека.

Цель исследования: проследить бунтарские мотивы в поэзии С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера и Ф. Шрамека. Проанализировать своеобразие воплощения темы бунтарства в творчестве названных чешских поэтов.

Методы исследования: библиографический метод, метод теоретического анализа, метод сравнения, метод индукции.

Результаты исследования: 1) Бунтарская генерация просуществовала недолго, но оставила яркий след и богатое культурное наследие; 2) С. Костка-Нейманн, Ф. Геллнер и Ф. Шрамека проявляли бунтарство в поэзии по-разному; 3) Главные темы, в которых поэты выражали протест: эротика, поклонение сатане, смерть, настроения отчаяния и безысходности, обличение актуальных проблем социума, тема своей собственной личности, антимилитаризм, пропаганда анархизма.

Актуальность исследования заключается в том, что данная тема широко изучалась только на территории Чешской Республики, на территории постсоветского пространства изучались только отдельные представители генерации.

Область применения: материалы и выводы исследования могут быть использованы студентами, подробно изучающими бунтарскую генерацию в чешской литературе или ее представителей С. Костку-Нейманна, Ф. Геллнера, Ф. Шрамека.

РЭФЕРАТ

Марозава Аліна Аляксандраўна

«Бунтарскія матывы ў чэшскай паэзіі памежжа XIX-XX ст. на прыкладзе творчасці С. Косткі-Нэймана, Ф. Гелнэра і Ф. Шрамэка»

Аб'ём: 53 старонкі, 45 скарыстаных крыніц.

Ключавыя словы: ЧЭШСКАЯ ПАЭЗІЯ, ГЕНЕРАЦЫЯ БУНТАРОЎ, АНАРХІЗМ, ПАМЕЖЖА XIX-XX СТСТ., НОВЫ КУЛЬТ, С. КОСТКА-НЭЙМАН, Ф. ГЕЛНЭР, Ф. ШРАМЭК.

Аб'ект даследавання: бунтарская паэзія С. Косткі-Нэймана, Ф. Гелнэра і Ф. Шрамэка.

Мэта даследавання: прасачыць бунтарскія матывы ў паэзіі С. Косткі-Нэймана, Ф. Гелнэра і Ф. Шрамэка. Прааналізаваць своеасаблівасць увасаблення тэмы бунтарства ў творчасці названых чэшскіх паэтаў.

Метады даследавання: бібліяграфічны метады, метады тэарэтычнага аналізу, метады параўнання, метады індукцыі.

Вынікі даследавання: 1) Бунтарская генерацыя праіснавала нядоўга, але пакінула яркі след і багатую культурную спадчыну; 2) С. Костка-Нэйман, Ф. Гелнэр і Ф. Шрамэк праяўлялі бунтарства ў паэзіі па-рознаму; 3) Галоўныя тэмы, у якіх паэты выражалі пратэст: эротыка, пакланенне сатане, смерць, настроі адчаю і безвыходнасці, выкрыванне актуальных праблем сацыуму, тэма сваёй уласнай асобы, антымілітарызм, прапаганда анархізму.

Актуальнасць даследавання заключаецца ў тым, што дадзеная тэма шырока даследвалася толькі на тэрыторыі Чэшскай Рэспублікі, на тэрыторыі постсавецкай прасторы вывучаліся толькі асобныя прадстаўнікі генерацыі.

Галіна прымянення: матэрыялы і высновы даследавання могуць выкарыстоўвацца студэнтамі, якія падрабязна вывучаюць бунтарскую генерацыю ў чэшскай літаратуры альбо яе прадстаўнікоў С. Костку-Нэймана, Ф. Гелнэра, Ф. Шрамэка.

SUMMARY

Morozova Alina Aleksandrovna

«Rebellious motives in Czech poetry at the turn of XIX-XX century in example of the works of S. Kostka-Neumann, F. Gellner and F. Shramek»

Content: 53 pages, 45 references.

Key words: CZECH POETRY, REBELLIOUS GENERATION, ANARCHISM, TURN OF XIX-XX CENTURY, NEW CULT, S. KOSTKA-NEUMANN, F. GELLNER, F. SHRAMEK.

Objects of the study: rebellious poetry of S. Kostka-Neumann, F. Gellner and F. Shramek.

Purpose of the study: investigate the rebellious motives in the poetry of S. Kostka-Neumann, F. Gellner and F. Shramek. Analyse the ways of depicting the theme of rebellion and uprising in the works of mentioned Czech poets.

Methods used in the study: bibliographic method, method of theoretical analysis, method of comparison, induction method.

Findings of the study: 1) The rebellion generation did not last long, but has left strong influence and prosperous cultural heritage; 2) S. Kostka-Neumann, F. Gellner and F. Shramek used to show rebellion in poetry differently; 3) The main topics that poets chose to show their protest were: eroticism, worshiping of Satan, death, the moods of despair and hopelessness, exposure of the social problems of the time, self-depicting, antimilitarism and the propaganda of anarchy.

Relevance of the study: It appears that these topics were deeply investigated only in Czech Republic since in post-soviet union countries only few selected representatives of the generation has been studied.

Range of application: the materials and conclusions may be used by students, who thoroughly studied the generation of Rebellion in the Czech literature or its key representatives S. Kostka-Neumann, F. Gellner, F. Shramek.

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XIX-XX вв. считается кризисным для Чехии и чешской литературы, т.к. он стал синонимом настроения упадка народа, изнеможения и отчаяния, но, несмотря на то, что этот период очень сложный, он одновременно достаточно продуктивный в отношении духовных и эстетических поисков писателей. Основными событиями этого периода являются промышленный переворот, резкие изменения в социально-политическом строе европейских стран, внутренний кризис буржуазного общества и его идеологии, крах авторитета государства и церкви. Надеждой на свободу европейского народа становится социализм.

Интенсивно развивается культурная жизнь, оживляется искусство во всех его аспектах и проявлениях. В разных уголках Европы в это время образуются различные творческие объединения со своими манифестами, что свидетельствовало о необходимости пересмотра взглядов на искусство и роли человека в нем. Литература стала более антропоцентрической.

Происходит активное, плодотворное литературное развитие в славянских странах, новые импульсы и течения воспринимаются более открыто. Происходит сближение искусства с новейшими философскими концепциями, дававшими бóльшую свободу для выражения эмоций. Таким образом, появилась новая форма мышления, эстетики, искусства, включающая в себе множество направлений, что критики называли словом «модернизм».

В поэзии рубежа XIX-XX вв. наблюдается богатство и разнообразие. Поменялись эстетические ценности, поэты искали новые творческие горизонты. В поэзии возникает ряд новых художественных направлений и течений, близких символизму, импрессионизму, декадансу, романтизму, неоромантизму, неоклассицизму.

В литературе происходит кризис между человеком и обществом. В 90-х такая проблема могла решаться повышенным индивидуализмом человека, но теперь опору свободе человек был вынужден искать в коллективе, в идеях и политике социализма. Современный человек должен был уметь преодолевать процесс распада человеческой личности в технической цивилизации. Нервная система должна была терпеть бóльшую нагрузку, психическое состояние в целом было более сложное. Чувственность человека возросла, стала интенсивнее, он активнее реагирует на события в мире.

Искусство и литература рубежа XIX-XX вв. воплотили в себе нервозность и противоречивость периода. Существовали тенденции (напр. натурализм, символизм), в которых писатели с протестом отворачивались от суровой реальности и отрицали ее во имя придуманного мира красоты, которые искали

и защищали положительные стороны жизни, с энтузиазмом сами их создавали. Поэты прилагали большие усилия, они хотели привести к гармонии реальный мир и мир фантазий.

Чешская поэзия становится очень разнообразной и разноплановой, выходит на один уровень с европейской. Наиболее предпочтительной формой стал верлибр.

На то время существовало два поколения поэтов: старшее (Я. Врхлицкий, Я. Неруда, В. Сладек, Ю. Зейер, С. Чех) и молодое (С. Костка-Нейманн, Ф. Геллнер, Ф. Шрадек, О. Бржезина, К. Главачек, П. Безруч, С. Махар, В. Дык). Молодое поколение 90-х стремилось как можно больше ослабить связь литературы и общества. Национальная идея стала неактуальной, хотя раньше за нее могли биться насмерть. Теперь на первый план вышла идея самовыражения, индивидуальности.

Первое десятилетие XX века в Чехии отражает смену ориентиров. Чешская поэзия снова начинает интересоваться проблемами обычной жизни (на это повлияла Первая мировая война). Поэзия медленно приближается к проблемам народа, проблемам гражданской борьбы. Но некоторые поэты (напр. С. Костка-Нейманн, Ф. Геллнер, Ф. Шрадек, К. Томан, В. Дык) отличались антигражданской позицией, отказом от всего старого. Эта группа поэтов получила название в чешской литературе «Анархистские бунтари» (Anarchističní buřiči). Их анархистская группировка распространяла мысли о революции, отрицала авторитеты империалистического государства, института церкви и религии, разоблачала либеральную буржуазию. Свое творчество они посвящали проблемам периода и общества, о которых умалчивалось.

Еще одним ярким явлением 90-х стало литературное объединение «Чешская модерна» (Česká moderna). Хотя оно и не просуществовало долго, объединение поэтов успело оставить глубокий след в истории и выдать собственный манифест в 1895 г. (авторами были Й. Махар и Ф. К. Шальда). Манифест стал отражением главных идей «Чешской модерны» относительно общих мировоззренческих вопросов и литературы, ее роли в обществе. Такой манифест стал не просто манифестом литературной группы, а всей новой эпохи. Авторы манифеста изменили общественное на личное, а национальное на индивидуальное – сражались за свободу самовыражения, подчеркивали роль личности человека как доминирующую в литературе. Манифест стимулировал дифференциацию литературного процесса, авторы призывали к самоанализу и критике.

Также на рубеже XIX-XX вв. появилась «Католическая модерна» (Katolická moderna). Группа сформировалась из-за раскола в лагере клерикалов в 1895 г. Молодые богословы не остались равнодушны к новым идеям в обществе и захотели обновить тему католицизма в чешской литературе,

особенно в поэзии. Представителями группы были С. Боушка (S. Bouška), К. Дворжак (X. Dvořák), К. Достал-Люцинов (K. Dostál-Lutinov). Они выступали за то, чтобы образ церкви-воительницы превратился в образ церкви-матери, певучей и просвещенной. Также они говорили о том, что дидактика в поэзии – не самое главное, противопоставляли растерянности, индивидуализму и грусти бодрость, духовную радость и братство всех людей на христианской основе. Из-за недовольства отцов церкви на попытки вмешаться в жизнь церкви, группировка быстро перестала существовать.

Еще одна группировка того времени – собрание декадентов вокруг журнала «Moderní revue», во главе которого стояли А. Прохазка (A. Procházka) и Й. Карасек из Львовиц (J. Karásek ze Lvovic). От других группировок их отличало то, что они негативно относились к манифесту «Чешской модерны». Приверженцы группы ориентировались на французский декаданс, в своем творчестве главное место отводили душе человека, но больше их интересовал внутренний дискомфорт и противоречивость, поэтому поэзия была пропитана чувством тоски, страха и одиночества. Главные мотивы – тленность, раскол, смерть, отчаяние. Поэтическая палитра поэтов «Moderní revue» давала выход эмоциям конца века: усталость от жизни, побег от реальности, любовь к религиозной тематике. Декаданс сыграл большую роль в обновлении чешского искусства и повышении профессионализма чешских поэтов. Декаденты показывали неэстетичное эстетичным, вдохновлялись банальными ежедневными буднями.

Несмотря на то, что к реализму было отношение преимущественно критическое, некоторые поэты представляли и это направление. Они хотели от литературы содержательности, внимания к проблематике настоящего времени. Главным поэтом-реалистом считается Й. С. Махар (J. S. Machar).

Импрессионизм в то время не сформировался как самостоятельное течение, поэтому можно говорить только про конкретные его проявления у отдельных поэтов (К. Червенка, А. Сова, Ф. Шрабек).

Широкое распространение получил символизм. Поэты данного направления абстрактно и «тяжело» восхваляли смерть и болезни, средневековье, любовь описывали как муку. Главным символистом рубежа веков стал О. Бржезина (O. Vřezina).

Рубеж XIX-XX вв. в литературном плане достаточно богат, но главное внимание в нашей работе будет уделено группе «анархистских бунтарей», т.к. подобная группировка в литературе уникальна и представляет интерес. Объектом работы является поэзия С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера и Ф. Шрамека, а бунтарские мотивы в лирике названных поэтов – предметом.

Генерация анархистских бунтарей занимает важное место в истории чешской литературы, поэтому к этому вопросу, а точнее к разным

представителям генерации, обращались многие чешские исследователи: Ф. Бурианек (F. Buriánek), М. Червенка (M. Červenka), А. Новак (A. Novák), Б. Вацлавек (B. Václavek), В. Кршиванек (Vl. Křivánek), М. Гисек (M. Hýsek), Б. Свозил (B. Svozil), К. Ресслер (K. Ressler), Я. Моуркова (J. Mourková), Й. Тауфер (J. Taufer), Й. Урбанец (J. Urbanec), Й. Голы (J. Holý) и др.

Наиболее переводимым на русский язык из поэтов является С. Костка-Нейманн. Его поэзию переводили С. Шерлаимова, П. Железнова, М. Павлова, С. Кирсанова, Р. Сеф, И. Френкель, Ю. Вронский, Я. Галицкий, А. Гатов, А. Ладинский, Г. Юнаков, И. Гурова, В. Бурич, П. Семынин, Р. Моран, А. Ахматова, А. Ревич, М. Миронова, Н. Глазков, Н. Асеев, В. Левик, И. Строганов, П. Грушко, А. Кудрейко. Из творчества Ф. Шрамека на русский язык переведен только его роман «Серебряный ветер» Е. Элькиндо. Ф. Геллнер на русский язык не переводился. На белорусский язык творчество поэтов не переводил никто.

Актуальность нашей работы состоит в том, что данная тема широко изучалась только на территории Чешской Республики, на территории постсоветского пространства изучались только отдельные представители генерации (С. Костка-Нейманн – Шерлаимовой С.А.), поэтому своей работой мы вводим названных поэтов в культурный белорусский контекст.

Цель дипломной работы: проследить бунтарские мотивы в поэзии С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера и Ф. Шрамека. Проанализировать своеобразие воплощения темы бунтарства в творчестве названных чешских поэтов.

Задачи:

- Охарактеризовать рубеж XIX-XX вв. как яркий период в развитии чешской литературы;
- Изучить процесс формирования и распада бунтарской генерации в чешской литературе рубежа XIX-XX вв.;
- Проанализировать роль, место и своеобразие бунтарской темы в творческом наследии С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера, Ф. Шрамека;
- Выделить сходства и различия в воплощении бунтарских мотивов в поэзии названных писателей.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАСПАД БУНТАРСКОЙ ГЕНЕРАЦИИ

1.1. Проблема восприятия генерации

В самом начале XX века в чешской литературе начало набирать обороты новое литературное поколение. Главным образом, они проявили себя в поэзии, но некоторые из них позже оставили след и в прозе, и в драматургии. Дух мятежа и бунта девяностых снова активировался.

Во главе новой генерации стояли такие имена, которые в истории чешской литературы, главным образом, поэзии, стали вековыми. Это такие поэты, как Станислав Костка-Нейманн (Stanislav Kostka Neumann, 1875-1947), Франя Шрамек (Fráňa Šrámek, 1877-1952), Карел Томан (Karel Toman, 1877-1946), Виктор Дык (Viktor Dyk, 1877-1931), Франтишек Геллнер (František Gellner, 1881-1914), Йиржи Маген (Jiří Mahen, 1882-1939), Рудольф Тесноглидек (Rudolf Těsnohlídek, 1882-1928), Йозеф Мах (Josef Mach, 1883-1951).

Каждый из них – индивидуальный поэт с собственной творческой манерой, стилем, но в то же время у всех них есть много общего. Во-первых, все поэты практически одного возраста, у них похожий социальный статус и жизненный опыт, похожие жизненные стремления, литературный опыт, предпочтения. Кроме того, все они товарищи, друзья-единомышленники, ведущие богемский образ жизни и печатающиеся в одних и тех же литературных изданиях.

«Генерация бунтарей» долго не воспринималась как группа, объединение, у многих литературоведов были свои классификации. Некоторых поэтов считали более успешными и выводили на первый план, кого-то обделяли вниманием, относили к разным течениям и творческим пластам. Авторитетный чешский литературный критик Арне Новак (Arne Novák) в своей фундаментальной работе «Исторический обзор чешской литературы» («Přehledné dějiny literatury české», 1936-1939) [См.: 28] относит С. К. Нейманна, К. Томана и В. Дыка к главе о символизме, Ф. Геллнера – к реализму, Ф. Шрамека и Р. Тесноглидка – к импрессионизму, Й. Магена – к другому периоду. Т.е. крупнейший авторитет чешской критики не видел большой связи между «бунтарскими» поэтами.

Другой литературный критик – Бедржих Вацлавек (Bedřich Václavek), в своем труде «Чешская литература XX века» («Česká literatura XX. století», 1935) [См.: 41], наоборот охарактеризовал всех перечисленных поэтов в отдельной главе, где назвал их «предвоенной генерацией». Цитируя Й. Магена, Вацлавек пишет, что литература для «бунтарей» не была на первом месте. Главным

образом, их интересовала жизнь, способ ее проживания, который они старались отразить в своей поэзии.

Альберт Пражак (Albert Pražák) [См.: 31] и Франтишек Ксавер Шальда (František Xaver Šalda) [См.: 34] в своих работах придерживались мнения, что некоторые поэты относятся к поколению между генерацией девяностых и послевоенной генерацией.

Существует и такое мнение, что можно говорить о группе, собравшейся вокруг С. Костки-Нейманна и его журнала «Новый культ» как литературной трибуны.

Несмотря на разные мнения относительно определения генерации «бунтарей», назвать данных поэтов литературным поколением можно по следующим признакам: одинаковый возраст (максимальная разница – 5 лет) и социальное положение (социальная необеспеченность), студенческая среда обитания (некоторые учились в одной гимназии), схожие политические взгляды (антибуржуазность, анархизм, против государства, церкви, ограничения свободы человека), практически одновременное вступление в литературную жизнь и публикации в одних и тех же журналах (1900 г., анархистские журналы, «Новый культ»), похожие творческие стили (импрессионизм и модерн), совпадение взглядов на роль литературы и искусства в жизни общества, творческая манера (тематическая, жанровая).

1.2. Формирование генерации

Молодая литературная генерация с самого начала своего пути проявляла бунтарские настроения. В первую очередь она направляла свой бунт в самую жизнь, в общество, в сферу этики и эротики, и только потом обращалась к литературе, выступала против старшей генерации, т.е. против генерации 90-х, которую представляли члены «Чешской модерна».

Главным «столпом», связующим звеном в генерации был С. Костка-Нейманн. Из всех представителей объединения он был самым опытным писателем, уже заслужившим себе место в литературной жизни, организатором, выпускавшим собственный журнал, обладателем роскошной виллы на Ольшанах, ставшей местом богемных литературных встреч (для некоторых – домом) бунтарских поэтов. Нейманн проявлял бунтарские черты характера уже в студенческие годы, и даже тюрьма не сломила его дух. Своей активностью, провоцирующей индивидуальностью, современностью и состоятельностью Нейманн привлекал внимание молодых, начинающих поэтов-анархистов. Они видели в нем того, кто может помочь им развиваться в данном направлении и стать их вождем. Й. Маген писал о Нейманне от лица молодых бунтарей: «Сегодня С. Костка-Нейманн близок нам, мы способны чувствовать вместе с

ним ту боль и печаль жизни, которая убивает, рвет душу и сердце на части, утомляет и изнуряет, печаль любви, которая кровоточит; мы скорее пойдем его ненависть и презрение ко всему, что низко и подло, ко всем, кто ущемляет права, несправедливо правит; мы понимаем его сочувствие тем, кто втоптан в грязь, кто бедствует и умирает в судорогах, в нищете материальной и моральной» [Цит. по: 3, с. 58]. Эти слова свидетельствуют о том, что Нейманн был им, молодым и неопытным, близок и раньше, но теперь они воспринимают его мировоззрение как свое собственное, как программу.

Само собой, С. Костка-Нейманн устанавливал контакт со своими приверженцами и раньше, при разных обстоятельствах. Раньше всех отношения сложились с В. Дыком, который позже стал отличаться от Нейманна противоположными политическими взглядами.

Первая встреча состоялась в редакции журнала «Почтовая улица» (Poštovská ulice). В 1985 г. в журнале «Moderní revue» было напечатано первое стихотворение Нейманна, а в 1986 г. – стихотворение В. Дыка (под псевдонимом Виктор Соучек). Этих двух поэтов сближали восхищение движением «Омладина», симпатии к революционному социализму, дух бунтарства. Также поэты вместе работали в брненском журнале «Народные новости» (Lidové noviny).

Когда В. Дык стал в процессе развития творчества отдаляться от «Moderní revue», он стал отдаляться и от Нейманна, но дружба поэтов сохранилась на многие годы. Дык продолжал публиковать свою поэзию в «Альманахе модерн» и «Новом культе» Нейманна, навещал его в Моравии. Корреспонденция 1905-1917 гг., изданная в 1962 г., является очевидным доказательством их крепкой дружбы, что не мешало им критиковать друг друга относительно поэзии.

Некоторые поэты-бунтари до встречи с С. Косткой-Нейманном в его редакции «Нового культа», познакомились друг с другом уже в студенческие годы. Поэты Ф. Геллнер, Й. Маген, Р. Тесноглидек, Й. Мах знакомятся в городах Млада Болеслав и Часлав, а в будущем сохраняют связь и в Праге.

Важной чертой является то, что поэты выросли и начинали свой путь преимущественно в провинциальных городках. С одной стороны, это означало более спокойную обстановку, более высокий уровень морали, природные условия, но с другой стороны, именно эта тишина и неперспективность подогревали в поэтах бунтарский протест, желание большего, выход за границы.

Йиржи Маген (настоящее имя – Антонин Ванчура (Antonín Vančura)) прожил 18 лет в Чаславе, там же учился в гимназии, где все и начиналось. Бывший одноклассник Магена и писатель Павел Сула (Pavel Sula) писал о Магене: «В школе мы с Тоником часто сжимали кулаки, когда рассказывали об угнетателях и насильниках. В нас росли разбойники» [16, с. 141]. Это

свидетельствует о том, что уже с ранних лет в Магене зарождался дух бунтарства, и не только из-за слишком живого темперамента или идеологических убеждений, но и по причине большого чувственного увлечения жизнью. Сам о себе он говорил, что хотел бы быть натянутой струной вечного порядка и вечной революции. Будучи таким энергичным, он имел способность вовлекать в такое состояние и другие. Например, Р. Тесноглидек, будучи спокойным и пассивным, стал анархистом именно под влиянием Магена.

В 1900 г. Маген поступил в гимназию в Младе Болеслави, где полностью окунулся в живую студенческую атмосферу и встретил своих единомышленников: «Веселая группа студентов в Младе Болеслави, в которую я попал после ухода из Чаславской гимназии, очень интересовалась социалистическим мышлением и литературным анархизмом, что было заслугой Ф. Геллнера» [Цит. по: 3, с. 62]. Начиная со студенчества, эти молодые люди знали, что такое сплоченность, коллектив, у них были общие идеалы, одинаковое направление, поэтому их дальнейший союз стал таким ярким.

Сам Маген в то время самым большим авторитетом видел Ф. Геллнера. Геллнер стал очень притягательной личностью для других не только из-за своего рано проявившегося таланта поэта, но и зрелого мышления, хотя вел исключительно разгульный образ жизни и слыл любителем выпить. В гимназии Геллнер выпускал секретный журнал «Pele-Mele», где печатались стихотворения начинающих поэтов-бунтарей. Также Геллнер является наиболее приближенным к главе анархистов С. Костке-Нейманну.

После знакомства Магена с поэтом В. Халоупецким (V. Chaloupecký), позже переехавшего в Прагу, стала образовываться «сеть молодой литературы», т.к. поэты стали издавать литературные брошюры. Позже в Прагу переехало большинство молодых поэтов-анархистов, т.к. все хотели поступить в Карлов университет.

Город Пршибрамь (Příbram) тоже стал для студентов-анархистов родным. Здесь учился будущий анархист Карел Томан, и вместе с другими студентами издавал другой бунтарский журнал «Зора» (Zora). Юный Томан тогда еще не был бунтарем-анархистом, но был поэтом, умевшим драться и постоять за себя. Уже с того времени он начал писать стихи в том стиле, которому остался верен всю жизнь. Самым большим его другом-поэтом стал Лотар Сухи (Lotar Suchý), славившийся большими литературными успехами.

В феврале 1895 г. Томан уже в Праге проник в литературное общество и спустя какое-то время присоединился к образованию «Нового культа» Нейманна.

В 1896 г. в Прагу приезжает еще один анархист – Франя Шрамек, чтобы поступить на юридический факультет Карлова университета. Поступив, он продолжает жить с семьей в Роудници (позже – в Карловых Варах), т.е. пока

еще не приобщается к пражской литературной среде, а «зреет» самостоятельно. Несмотря на это, стихотворения молодого бунтаря с помощью друзей попадают в «Новый культ».

«Новый культ» был настоящей трибуной поэтов-бунтарей, воротами, через которые они входили в литературную жизнь. Журнал предоставлял большие возможности быть услышанным, быть осведомленным в самых последних новостях чешского литературного мира. В первый год своего существования «Новый культ» имел много черт декаданса (напр., преобладающий сатанизм, индивидуализм). Анархизм тоже стал пропагандироваться сразу, и для молодых поэтов он был действительно привлекательным явлением. В «Новом культе» писалось, что анархизм – это тип мышления, душевное состояние человека, надежда на будущее, которая может изменить многое. «Живите, живите! А когда почувствуете желание писать стихи – пишите их, но в первую очередь нужно жить и знать, что такое жизнь» [Цит. по: 3, с. 68].

Все анархистские поэты попали в «Новый культ» приблизительно в одно и то же время, но формирование генерации происходило несколько лет. Все творческие пути окончательно переплелись в Праге, в редакции «Нового культа», а позже на Ольшанской вилле С. Костки-Нейманна, где проходили литературные богемские встречи.

Все поэты встретились молодыми людьми, жаждущими свободы, стремящимися к богемному образу жизни и анархизму. Многие в дальнейшем отказались от этих взглядов и сменили творческую манеру, но на рубеже XIX-XX вв. генерация поэтов-анархистов была ярким и громким явлением чешской литературы.

1.3. Распад генерации

Кризис анархистского течения, уход большинства поэтов из группы в Праге, укрепление гражданских позиций, становление взглядов – все это способствовало тому, что происходил процесс внутренней дифференциации генерации. Поэты выросли, вырастали из своих идеалов и начинали искать свое место в мире, искать собственный путь. Общего становилось все меньше, а личного и индивидуального – больше.

Начинается новый этап, когда участники генерации отдаляются друг от друга и вырастают в самостоятельных поэтов. На постепенный распад группы повлияло не только ослабление анархизма (начиная с 1904 г.) в целом, но и то, что большинство поэтов просто уезжают из Праги, чтобы найти свое место и пустить корни. Дружеские связи ослабевают, исчезает осознание генерации, коллектива.

В 1904 г. первым Ольшанскую виллу покинул сам ее владелец – С. Костка-Нейманн. Свой уход он аргументировал разрывом с женой, переездом в Вену и новыми любовными отношениями, но это не значило, что он перестал быть представителем анархистской мысли. Нейманн продолжал работать в своих журналах, поддерживал отношения с В. Дыком, который посвятил себя политике. Ощущалось, что это уже не то, и вскоре с другим переездом в Моравию (Ржечковице, Биловице) мировоззрение и творческий метод Неманна сильно меняются.

Моравия в то время становится важной частью жизни многих бывших анархистов. Недалеко от Нейманна, в Брно, свое место и вдохновение находит Р. Тесноглидек, пишущий здесь свое лучшее произведение «Liška Bystrouška» (1920). Случилось так, что поэт сильно сблизился с женой С. Костки-Нейманна, из-за чего дружбе двух литераторов пришел конец.

В 1911 г. в редакции брненских «Лидовых новин» задерживается Ф. Геллнер после долгого проживания в Париже. Поэт также пересмотрел свои жизненные ценности, стал более серьезным как мужчина и более жизнелюбивым как человек, что особенно отмечал его коллега шеф-редактор А. Гейнрих (А. Heinrich). Он говорил, что нашел в Геллнере серьезного, инициативного, образованного коллегу и честного, доброго друга.

Вскоре в 1914 г. из спокойной рабочей среды Геллнера забрали на фронт, где он закончил свой путь как пропавший без вести.

Также на Моравию приехал и Й. Маген. В 1907 г. он оставил Прагу и уехал работать учителем в Годонине (Hodonín) и Пршерове (Přerov). 1910-1919 годы Маген провел в Брно, работая редактором «Лидовых новин», в то же время он проявлял большой интерес к театру и стал драматургом.

Многие поэты-бунтари нашли свое место и работу в Брно, хотя не все отправились туда сразу. Ф. Геллнер и К. Томан сначала уехали в Париж. Й. Мах в 1912 г. надолго уехал в США, где потерял связь с чешской литературной жизнью.

В отличие от названных поэтов, уехавших из чешской столицы, бунтарь Ф. Шрабек остался в Праге, продолжая свой творческий путь самостоятельно, однако вскоре тоже оставил анархистско-бунтарские взгляды в прошлом.

Как мы видим, поэты-анархисты больше не думали и не писали в одном ключе, не придерживались одинаковых политических взглядов. Они утратили иллюзии о своем богемном бунтарстве, стали смотреть на мир более реалистично и зрело. Поэты начали уделять больше внимания обыденности и простым вещам, стали ценить простые радости жизни. Портреты-карикатуры, которые рисовал Ф. Геллнер, перестали соответствовать действительности.

Большое значение в жизни некоторых поэтов приобрела природа, а конкретно в жизни С. Костки-Нейманна и Ф. Шрабека. Именно в ней поэты

нашли душевное спокойствие и смогли оценить истинные жизненные ценности.

У обоих поэтов уже раньше было стремление к спокойной жизни на природе. Живя в Ольшанской вилле, С. Костка-Нейманн уже тогда был окружен большим садом, что способствовало познанию преимуществ пребывания в более спокойной природной обстановке, нежели в шумной городской среде. Переехав на Моравию в Биловици, бывший глава бунтарей стал превращаться в настоящего провинциала. Природный стиль жизни повлиял на мировоззрение и творчество Нейманна, поэт стал приверженцем истинных ценностей. Свой лучший сборник «Книга лесов, вод и холмов» (1914) он написал именно в этот период жизни. Поэт писал, что природа помогает ему бороться с собственностью сложностью и уйти от хаоса, который излучает город. Несмотря на полностью умиротворенное состояние, это не стало последней метаморфозой Нейманна.

В 1918 г. еще одной «средой обитания» С. Костки-Нейманна стал мир техники. Следует отметить, что ни один бунтарский поэт больше не нашел себя в этой ипостаси. Нейманн был полностью поглощен машинами и устройствами, посвящал им свою поэзию, писал теоретические статьи. Поэт снова стал своей собственной противоположностью, но в то же время вернулся к тому, с чего начинал – энергичность, идейность, смелость.

Ф. Шрамек изначально был склонен к мирной тихой жизни. Бунтарство стало для поэта особенным этапом жизни, но тогда поэт не был собой, за него говорили идеи, которыми он был увлечен. После ухода из среды, где главными были политика, анархизм и бунтарство, среди природы поэт нашел себя настоящего, каким остался до смерти. В это время Шрамек пишет чувственную, тонкую лирику о природе и любви, что заставляет воспринимать поэта как тонкую натуру, а не бунтаря-анархиста, т.е. полную противоположность.

Главную ценность и творческую опору после отхода от анархистских идей некоторые поэты нашли в теме Родины. Это были К. Томан, В. Дык и Й. Маген.

К. Томан много путешествовал, но Родина всегда оставалась главной святыней, и он к ней возвращался, а отпечаток войны на родной земле заставил его посвятить себя именно этой теме. В 1918 г. поэт пишет свое главное произведение «Месяцы» (Měsíce, 1918), где отражает надежду на новую весну, новую жизнь для народа. Нельзя сказать, что К. Томан полностью изменил свой творческий принцип, он остался энергичным и идейным, но его темы стали более зрелыми.

Виктор Дык также уделил главное внимание теме Родины и народа, но не только потому, что будущее народа стало под угрозу из-за войны, но и потому, что с юных лет он был патриотом, и теперь смог в этом раскрыться, своей

лирикой поэт хотел служить отчизне. С 1909 по 1922 г. Дык посвящает свою поэзию теме Родины, войны и людей.

Й. Маген свою силу и опору нашел на моравских и словацких землях в драматургии о простых людях и Родине. Как и все, он искал что-то, что бы наполнило жизнь смыслом и избавило от чувства одиночества.

Таким образом, можно подытожить, что к теме Родины и традиций не было равнодушного или негативного отношения, а наоборот она была актуальна и помогала поэтам заполнить внутреннюю пустоту.

Последним общим звеном для некоторых представителей генерации стала Октябрьская революция 1917 года. Шрамек и Нейманн были в это время на фронте в России, поэтому прожили это событие в большей степени, чем остальные и снова сблизились друг с другом. Динамическая атмосфера этого периода способствовала сотрудничеству поэтов в журнале Нейманна «Июнь», который тот стал выпускать в 1917 г. Шрамек смотрел на революцию как великое событие великого русского народа, поэтому его поэзия была пропитана мотивами братства народа, солдат, призывами не поддерживать войны.

Если «Новый культ» можно считать анархистской трибуной, то «Июнь» стал трибуной коммунистической. Через анархизм и социализм Нейманн пришел именно к этому течению, которое стало последним в его жизни. Нейманн всегда был не только поэтом, но и политиком. После возвращения с фронта он активно посвящает себя новому течению, знакомится с теориями В. Ленина и становится их приверженцем.

Ф. Шрамек в это время закрывается от мира в своем рабочем кабинете и игнорирует политику. К. Томан, Р. Тесноглидек и Й. Маген также остались далекими от политики, но отражали некоторые взгляды и события в поэзии.

К середине межвоенного периода генерация существовала уже около 50 лет, но пути бывших анархистов давно разошлись. В таком возрасте является привычным стремление к стабильности, а не бурным переворотам, и это касается даже бунтарей. Бывшие анархисты уже хорошо знали на собственном опыте разлад между идеалом и реальностью, желаниями и возможностями, поэтому поэты стремились к более спокойному ритму жизни. Ф. Геллнер пропал без вести еще в 1914 г. Вечно ищущий идеалы В. Дык выбрал смирение и гармонию после неудачной политической карьеры, и следовал им до 1931 г. Самый пассивный и субъективный из бунтарей Р. Тесноглидек так и не смог найти выход из своей жизненной меланхолии, и покончил жизнь самоубийством в 1928 г. Больше всех любивший экспериментировать и не боявшийся идти против толпы Й. Маген закончил свой путь в 1939 г. К. Томан сумел примирить свои радости и печаль, но в душе остался странником-скитальцем и умер за границей в 1946 г. С. Костку-Нейманна смерть настигла в 1947 г. Он долго продолжал придерживаться

активной гражданской позиции, но ближе к концу жизни, как все, выбрал покой. Ф. Шрамек нашей путь к гармонии и красоте жизни раньше всех, что позволяет называть его самым счастливым бунтарем. Он ушел из жизни позже всех в 1952 г.

Выводы по главе 1:

Как мы видим, генерация бунтарей не просуществовала долго как одно целое, и ее даже не сразу восприняли как генерацию, но сами поэты заявили о себе надолго.

Формирование генерации происходило постепенно: встреча молодых поэтов-студентов в разных городах (Млада Болеслав, Часлав, Пршибрамь), выпуск первых молодежных литературных журналов (*Zora, Pele-Mele*), первые стихотворения и бунтарские проявления характера, переплетение интересов, дружба поэтов, переезд в Прагу, создание яркого, громкого поэтического союза молодых анархистов вокруг «Нового культа» во главе со С. Косткой-Нейманном. Так сформировалась бунтарская генерация.

Несмотря на такое многообещающее творческое начало, поэты не смогли долго придерживаться своих взглядов, оставаясь группой. Анархизм терял свою актуальность, а поэты повзрослели и стали по-другому расставлять приоритеты, начали поиск более зрелых взглядов на жизнь. Поэты нашли себя в других ипостасях, открыли для себя новые увлечения и ценности. Некоторые поэты перестали поддерживать связь с другими, кто-то остался другом по переписке, кто-то еще какое-то время оставался близким другом. Можно сказать, что анархизм, бунтарство, протест были страстным юношеским увлечением литераторов, начинающим этапом творческой жизни молодых и активных людей с амбициями.

ГЛАВА 2. СТАНИСЛАВ КОСТКА-НЕЙМАНН КАК ГЛАВА ГЕНЕРАЦИИ БУНТАРЕЙ В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2.1. Идеиное и творческое становление С. Костки-Нейманна

Имя Станислава Костки-Нейманна в истории чешской поэзии действительно занимает высокую позицию. Он был поэтом развитым и многоплановым: от анархизма, через символизм и декаданс он пришел к коммунистическим идеям и последний этап жизни посвятил пролетарской поэзии.

С. Костка-Нейманн родился 5 июня 1875 в состоятельной семье в Праге. Солидный и упрямый отец-адвокат Станислав Нейманн женился по любви на простой дочери портного Камилле, которая и стала матерью великого поэта. Его детство не было простым, так как отец умер через пять лет после рождения сына, а перед этим успел обанкротиться. Несмотря на это, мать и другие родственники старались растить Станислава Костку-Нейманна в духе аристократизма, хоть и были бедны.

Среднее образование поэт получал в гимназии, но окончить ее ему не удалось из-за репутации дерзкого и неперспективного ученика, хотя уже тогда у него появился большой интерес к литературе, одним из его любимых поэтов был Сватоплук Чех. Позже он поступил в торговую академию, но и там история повторилась. Закончив на этом попытки получения какого-либо образования, Нейманн устроился работать в редакцию газеты «Голос народа» (Hlas národa), но и здесь будущему поэту не захотелось долго задерживаться, т.к. эта газета была консервативного характера, а в стране уже начали появляться отголоски начала национального освободительного движения. Тогда С. Костка-Нейманн вступил в молодежную организацию «Омладина» (Omladina), которая боролась за всеобщее право выбора и определенные социальные реформы. Вскоре правительство решило пресечь деятельность группы и в итоге в 1893 г. С. Костка-Нейманн был арестован и провел в тюрьме Боры в Пльзени чуть больше года. Именно там будущий поэт начал свой творческий путь.

В тюрьме Нейманн очень много времени посвящал чтению, а вскоре начал писать и собственные стихотворения. Они стали первым сборником-дневником поэта, т.к. описывалась тяжесть тюремной жизни, одиночество, мрачная атмосфера существования, но в то же время проявлялась анархистская личность, желающая идти против несправедливости, присутствовали мотивы борьбы. С.А. Шерлаимова пишет в своей работе: «Нейманн пришел в литературу в 90-е годы прошлого века. Поэт не сразу нашел путь к народу, но с первых же шагов в литературе он гордо отказался приспособиться к вкусам

буржуазного общества, «выть вместе с волками»» [44; с. 3]. Сборник получил название «Немезида, хранительница добродетельных» (*Nemesis, bonorum custos/Nemesis, strážkyně dobrých*, 1895).

Там же С. Костка-Нейманн начал интересоваться декадентским журналом «*Moderní revue*», который издавали Арношт Прохазка и Йиржи Карасек из Львовиц. Какое-то время поэт прожил в духе декадентства, но позже посчитал эти годы не самыми лучшими и отдалился от этой тематики, хотя за это время в свет успели выйти три новых сборника поэзии, которые сделали Нейманна знаменитым: «Я – апостол новой жизни» (*Jsem apoštol nového žití*, 1896), «Апострофы гордые и страстные» (*Apostrofy hrdé a vášnivé*, 1896), «Слава сатаны среди нас» (*Satanova sláva mezi námi*, 1897). Первый сборник отличался своим оформлением: готический шрифт, жесткая бумага. Поэзия в нем была преимущественно гражданская, поэт противопоставлял себя обществу, объявляя ему конфликт. Будущее он представлял царством анархии, а лирическим героем был он сам. Ф. К. Шальда отмечал, что этот сборник представляет Нейманна темпераментным, полемичным и страстным пропагандистом своих идей.

Второй и третий сборники считаются классическими декадентскими. Сатана представляется как символ протеста, бунтарства, «бог богемы». Лирический герой – мятежник и бунтарь. Нейманн начинает использовать верлибр.

Важным этапом в жизни С. Костки-Нейманна стал его собственный журнал «Новый культ» (*Nový kult*, 1897-1905), вокруг которого сгруппировались все анархистски настроенные поэты, главным образом Ф. Геллнер, Ф. Шрамек, В. Дык, Й. Маген, К. Томан, а Нейманн стал «вождем» генерации анархистских бунтарей. Поэт начинает в это время писать более революционные стихотворения, от бывшего аристократа не осталось ничего. В 1899 г. С. Костка-Нейманн женился на Камилле Кремовой, которая родила ему сына Станислава, будущего актера, но уже через пару лет его новой спутницей стала Божена Годачева, с которой поэт переехал в Вену.

В 1903 г. вышел новый сборник Нейманна «Сон об отчаянной толпе» (*Sen o zástupu zoufajících a jiné básně*, 1903). Это был уже совсем другой стиль, свидетельствующий о новом периоде творчества. Теперь поэта интересует обычная повседневная жизнь, герои показаны в реальных жизненных ситуациях, стихи посвящены бедным, но сатана по-прежнему представляется символом жизни.

1904-1905 гг. проходят в Вене, но из-за нехватки финансов поэт с семьей (родилась дочь Соня) вынужденно переезжает в Моравию, где счастливо живет 15 лет. В это время вождь анархизма полностью отходит от своего яркого течения и больше времени посвящает природе и спокойной жизни. В 1907 г. в

свет выходит сборник «Букет цветов разных пор года» (Hrst květů z různých sezón, 1907), который Нейманн сделал многоплановым: интимная лирика, пейзажная лирика, сатирические стихотворения, стихотворения-призывы, эпиграммы. Политические взгляды и неудовлетворенность состоянием страны поэт отразил в сборнике «Чешские песни» (České zpěvy, 1910).

В 1914 г. Нейманн издает свой самый знаменитый сборник «Книга лесов, вод и холмов» (Kniha lesů, vod a strání, 1914) о моравской природе, которую описывает в последовательности пор года. Бывший анархист говорит, что природа и человек – неразделимое целое, философски размышляет о смысле жизни.

В 1915 г. поэт выпускает сборник «Богини, святые, женщины» (Bohyně, světice, ženy, 1915), в котором должны были быть представлены стихотворения о великих женщинах всех эпох, но С. Костка-Нейманн не довел задумку до конца, аргументировав это тем, что это абсолютно не в его стиле.

В это время Нейманн сближается с «поколением 1914 г.», пишет программные статьи, выступает за сближение поэзии и реальной жизни, за отказ от канонов, индивидуализма, игры слов, экспериментов – от всего того, приверженцем чего когда-то был. Его поэтические взгляды стали противоречивыми: он выступал за социальную поэзию и искусство, но в то же время был приверженцем свободного стиха и таких течений как кубизм, футуризм. В 1918 г. выходит сборник «Новые песни», включающий в себя части: «Песни шума», «Песни тишины», «Песни проводов». Поэт восхваляет технику, природу, коллектив, радуется чувству, что он – его часть. Нейманн в целом отдался идее гения человеческого коллектива, который покорила природу, создал технику, но мир по-прежнему не идеален, что заставляет поэта продолжать мечтать о всемирной гармонии.

В 40-летнем возрасте С. Костка-Нейманн встречается с войной. Сначала он служил пехотинцем в австрийской армии, позже – водителем машины скорой помощи в Албании. После демобилизации работал редактором старочешского журнала «Голос народа». С 1924 до 1934 жил в городе Черчаны (Čerčany).

После войны С. Костка-Нейманн пришел к своему последнему литературному течению – пролетарской поэзии. Он стал членом коммунистической партии, активно участвовал в ее жизни. Также продолжал работать редактором в журналах («Июнь»), где публиковал свои многочисленные статьи на тему марксизма-ленинизма. После подписания в 1929 г. «Манифеста семи» (Manifest sedmi), был с некоторыми другими поэтами исключен из партии, но, несмотря на это, С. Костка-Нейманн остался верен своим политическим взглядам.

В 30-х годах Нейманн серьезно заболел, долго лечился, жил в деревне, но все эти годы продолжал писать. Умер поэт в 1947 г. в Праге, где прожил последний год.

Выводы по главе 2.1.:

Жизнь С. Костки-Нейманна была достаточно яркой: много переездов, смен мировоззрения, активная политическая и творческая деятельность, большой круг общения, признание его главным авторитетом целого литературного течения, создание семьи – поэт прожил жизнь действительно достойно и оставил большое творческое наследие. Он выступал в разных ипостасях: бунтарь-анархист, социалист, провинциал, очарованный природой, приверженец технического прогресса, коммунист. Можно сказать, что С. Костка-Нейманн благодаря своей активности, яркому уму и способностям смог в одной жизни прожить несколько разных, что доказывает то, что он был человеком очень многогранным и оставил такое же многогранное наследие чешской литературе.

2.2. Тематическое своеобразие С. Костки-Нейманна в сборниках «Немезида, хранительница добродетельных» (1895), «Апострофы гордые и страстные» (1896), «Слава сатаны среди нас» (1897), «Сон об отчаянной толпе» (1903)

Поэзия первых сборников С. Костки-Нейманна наиболее соответствует предмету нашей работы – бунтарской поэзии, поэтому мы сделали акцент именно на них. С.А. Шерлаимова отмечает в своей работе следующее: «Поэзия «апостола», культ сатаны, вызов общепринятому даже в оформлении книг – все это есть в ранних сборниках Нейманна» [44, с. 6]

Одна из важных проблем, к которой обращается в своих стихах Нейманн – цензура на правду в печати, опасные мысли для государства: «Ba, pravda nesmí do světa; Za pět set korun pokuty pak dá se pravda říci» [26, Naše tisková svoboda]. Настоящий анархист должен писать по-бунтарски, не соблюдая никаких приличий, его слово как пощечина: «Že jsme mohli kariéru udělati lehce, věčná škoda, že se nám však slušně psát nechce»; «Nelechtáme jemným vtípem, rovnou jdeme pěstí»; «Nezvoníme rolničkami, ve tvář jimi sekнем!» [26, Úsudek]. Нейманн пишет о том, что на чешском языке официально писать не следует, вслух лучше по-немецки, а в крайнем случае – по-французски: «Co se snese po německu, nelze říci česky; také po francouzsku leccos dopadne tak hezky» [26, Úsudek]. Но поэт считает родную речь чистой, хотя перед обществом считается лучше ее скрывать как нечто постыдное: «Ale v naší mateřtině, v jazyku tom čistém, nutno jít jako vždycky – pod fíkovým listem» [26, Úsudek]. А тот, кто все-таки не

стыдится родного языка, должен гордиться, что не запятнал свой рот «фальшивым» немецким языком: «A hrdý buď, žes vytrval, žes neposkvnil ústa ani hrud' falešnou řečí» [26, A hrdý buď]. Используя такую оригинальную метафору, как прикрывать постыдную речь фиговым листком, сравнивая громкое слово с пощечиной или говоря, что он «бьет» им в лицо, Нейманн проявляет себя оригинальным мастером поэтического слова.

Достаточно много внимания в своих стихах поэт уделяет характеристике ментальности и поведения народа. Нейманн задается вопросом: почему мы сражаемся за сонную толпу, которая неспособна сплоченно постоять хотя бы за свою честь, которая кровожадно может биться только в улицах за новый номер журнала?: «Proč rvem se? Proč se bijem? Pro ty davy, ty davy bědné, davy rozespalé, v nichž není trocha síly rvát se spolu za čest svou aspoň, když ne za vítězství?; jež krvežíznivé, o nová čísla žurnálů svádí pouliční bitky?» [26, Protesty, с. 42]. В то время как люди сплетничают о политике за пивом и шумят во время прогулок, мы, бойцы, из-за такого их поведения идем в бой уже заранее проиграв: «A davy hlučí na svých promenádách, a politiku žvaní v pivovaře; jsme stále v ohni, stále poraženi, jdem do boje již napřed poraženi...» [26, Protesty, с. 42]. О тех, кто сражается за свои взгляды, поэт отзывается как о несломленных, которые поднимаются с колен каждый раз: «My padli... Zdvihnem se a padnem znovu, a po nás padnou jiní, jiní, jiní... Však pozic neopustí straže bdělé» [26, Protesty, с. 43]. Он вспоминает, каким был его народ когда-то давно: трудолюбивым, упорный, несломленный: «Takový byl můj lid s kosou a kladivem, na jitřní čekal svit, čekal a věřil. Úrodu novou sklídí sám, sám se svými. Jděte mu z cesty, staví chrám bratrské doby» [32].

Также Нейманн не может представить, как бы он смог тащиться по «болоту сплетен» народа, как бы он смог идти с гордо поднятой головой с клеймом трусости на лбе: «Já nevím, jak bych mohl se tak vléci v tom blátě pomluv; Jak bych mohl povznést hlavu s tím cejchem babství, vpáleným na čele!...» [26, Protesty, с. 43]. Для поэта важен момент чести и самоуважения народа, а толпа, готовая без боя мириться с тем, что требует протеста, вызывает у поэта негодование и стыд. Само название стихотворения «Протесты» говорит о том, что поэт против такой модели поведения.

Некоторые стихотворения очень громкие, насквозь пропитаны мощным окрасом и силой бунтарской натуры Нейманна. Он думает о том, как много кровей и родов должно было смешаться, чтобы его темно красная кровь могла бурлить: «Kolikže ras kříží se v proudu mé divoké krve, a kolik smíšených rodů smísilo mok její tmavě rudý?» [26, Píseň nenárodní, с. 127]. Поэт не стесняется неприятных слов, описывает страшные зрелища, например, окровавленное мертвое сердце в руке: «Umřelo srdce, mlad' černých hadů, plaz jedovatý tu krmí. Umřelo srdce, já vzal je z nitra a zkrvacené v dlaň kladu» [26, Umřelo srdce, с. 160].

Приношение в жертву кровь задушенной кошки: «A obětuje v siboři zlaté krev uškrcené kočku» [26, Umřelo srdce, с. 160]. Он говорит, что смеется над воняющими трупами в грязном гнезде летучих мышей: «Se smíchem povznesených hledím v kraj plný mrtvol, páchnoucích mrtvol nad hnízdem netopýřím, kde špína všechno třísní» [26, Píseň nenárodní, с. 127]. В такой атмосфере Нейманн мечтает о мире, которым будет править анархия, и он с радостью порвет связь со всем, к чему прирос: «Hrdým snem o příští anarchie, tak přetrhal bych rád vše, čím jsem k hroudě přirost» [26, Píseň nenárodní, с. 127]. Тогда он бы бросил все и умчался вдаль, где виднеется шторм океана: «V trysku mohutném blah rozletěl se v dálku, kde mlhy veleměst a bouře oceánu» [26, Píseň nenárodní, с. 127]. Если в предыдущем стихотворении Нейманн выступал как приверженец народа, то здесь он демонстрирует свою вольнолюбивую анархистскую натуру, которой не нужен никто и ничто, что отображено в названии «Песня ненародная (непатриотическая)». Также свою бунтарскую натуру поэт демонстрирует в словах: «Hrom mne zab, čert mne vem, ať se slehne se mnou zem. Jsem já, ženo, špatný chlap, mám kdekterou holku rád, víno piju, pivo piju, na ctnost a na mravy pliju; víno píti bezstarostně, netvářil se příliš ctnostně, to je pravý božský mrav; hrom a peklo, mám tě rád» [26, Hrom a peklo, с. 288]. Нейманн открыто заявляет, что он любит алкоголь, женщин, ему плевать на моральные устои, и что эта модель поведения одобряется самим Богом. Нейманн предпочитает свету и тишине гром и ад. Такая характеристика вполне соответствует классическому представителю божемно-анархистского образа жизни. Беззаботности стихотворению и образу поэта добавляют слова: «Vím bam bum; Ti dli ty ti dli tam» [26, Hrom a peklo, с. 288]. Свое бунтарство Нейманн называет непримиримым полом, с которым невозможно бороться: «Pohlaví nesmířitelné, vím, jak marně ti házím svá prokletí ve tvář!; s horkými vášní rety marně zápasím s tebou» [26, De profundis, с. 138].

Продолжая тему личности Нейманна, можно привести в пример строки, в которых автор описывает сам себя очень натуралистично. Он называет свое тело ленивым мясом, а пальцы его такие же горячие, как кровь: «Mé maso je příliš líné; zarývám horké své prsty do vlhké prsti, zarývám celé své tělo do vlhké trávy, opilý výpary země a žárem své krve» [26, Letní dny, с. 130]. Поэт описывает себя как страстную натуру, которая только за то, чтобы распалить в себе еще большее пламя: «Rozproudím bouři své krve, zatáhna v doupě své stinné tu, jež dychtíva přijde, a vysoko zlíbám snědé, obnažené, pekelné její tělo!» [26, Letní dny, с. 130]. Можно сказать, что Нейманн сам к себе очень нестрог.

Как настоящий анархист-бунтарь, С. Костка-Нейманн воспевал в своей поэзии могущество сатаны. Сам поэт комментировал это так: «Мой сатанизм был просто модной в то время декорацией, за которой во мне кипело будущее совсем не мистическое и не религиозное» [Цит. по: 44, с. 6]. Нейманн пишет,

что верит в сатану, что он есть жизнь, создатель Земли, любви, ненависти и страсти: «Věřím v satana, jenž pýcha jest a vědění a život, věřím v stvořitele dobré matky země, věřím v stvořitele lásky a zášti a vášně» [26, Credo, с. 186]. Его сила настолько могущественна, что он правит безднами, звездами, планетами, а музыка космоса – это шипение его крови: «Vládne nad propastmi a ke hvězdám až sahá, a hudba sférická je sykotem jeho krve» [26, Credo, с. 186]. Нейманн пишет, что человек – создание сатаны, сын сатаны, который родился из-под земли и был создан для радости и сражений: «Věřím v jeho syna, v člověka, jenž slavný metamorfozou tvarů vyšel ze hlubin země a stvořen byl k radosti a k boji a síle» [26, Credo, с. 186]. Сатана настолько могущественен в глазах Нейманна, что он складывает песни в его честь: «O krvavých požárech zpívám, zpívám o síle a vášni, zpívám o tmavých hlubinách, s nejvyššími sosnami hlubokých pralesů, s nejvyššími vrcholy nejvyšších pohoří zpívám o síle a vzdoru» [26, Ave satan, с. 151]. Мир сатаны – это мир кровавых пожаров, силы, страстей, тьмы, бунта. Сатана – брат бунтарей, любовник проклятых поэтов, поэтому бунтарь С. Костка-Нейманн поет о его славе в ночи: «Rebelů bratře, milence prokletých básníků, v bouřlivých nocích zpívám také o tvojí slávě» [26, Ave, satan, с. 151]. Поэт говорит, что он сотворен его бунтарской рукой, что сатана вдохнул в его душу пламя, поэтому он такой, какой есть: «A že jsi mě stvořil dotekem revoltující ruky, a že jsi mou duši zažehl hrdostí žhnoucího dechu, o svojí pýše zpívám» [26, Ave satan, с. 151].

Большое количество стихотворений выдержано в мрачных тонах. Главные темы такой поэзии – отчаяние, безысходность, смерть. С помощью метафор поэт пишет об этих явлениях красочно, артистично: «Vražedná, krvavá křídla hrůzy a smrti slyšeli třást vzduchem těžkým a hrozivým; Všecko je marné!; Chachacha! Slyšeli ta vražedná, krvavá křídla!» [26, Prokletá křídla, с. 213]. Образ крыльев, несущих смерть и ужас, у поэта вызывает злой смех, т.к. он приверженец сатаны. «Ztrhaná, hladová lůza, ta, jež nemá čím platit bez darů a zlata, které denně šumí nad ztracenou lebkou krví nasáklá, černá, vražedná křídla bídy» [26, Prokletá křídla, с. 213]. Здесь становится понятно, что проклятые, черные, налитые кровью крылья, раскрывшиеся над низшим слоем общества и шумящие над черепами – это также и образ нищеты.

Нейманн окрашивает в темные тона даже молодость, которая традиционно представляется светлой и радостной. «Slyšíš tu píseň? Stín mrtvého mládí, jež nemá pokoje a na rtech nám zahořel» [26, Slyšíš tu píseň, с. 227] – говоря от лица многих, поэт пишет, что тень мертвой молодости, что можно назвать очень необычным образом, сгорела у нас на губах. И в таком случае остается лишь сумасшествие, крик и тоска по тому, что уже не вернуть: «Slyšíš tu píseň? Jen to nám již zbylo, rtů šílenství, výkřik, stesk po tom, co bylo a co se nevrátí» [26, Slyšíš tu píseň, с. 227]. Немилость господ и бедность заставляют людей продавать тело и душу, что веселит богатых: «Chtěli jsme chleba, byli k nám hluší, prodejte tělo,

prodejte duši. Trochu té cudnosti, trochu té pýchy pro panské smíchy; » [26, Slyšíš tu píseň, с. 227]. Поэт выражает отчаяние, т.к. сердце испорчено, а тело истоптано, но хочется просто жить: «Zkaženo srdce, ochromeno tělo, vše udupáno; žít jen chceme» [26, Slyšíš tu píseň, с. 227].

Еще с бóльшим отчаянием Нейманн пишет строки: «Dohráno a dozpíváno, a to kalné, chladné ráno rozloučí nás navždycky» [26, Dohráno a dozpíváno, с. 230]. Все спето и сыграно, и холодное, хмурое утро навсегда разлучит нас. «Ač jsme ničím nebyli, si přes na duši smutek visí a ten zbude navždycky» [26, Dohráno a dozpíváno, с. 230]. Мы никогда никем не были, мы – ничто, и на душе навсегда останется только грусть. «Píseň dozní, počne nová, časem zapomenem slova, žal jen trvá provždycky» [26, Dohráno a dozpíváno, с. 230]. Начнется новая песня, но она уже не наша, иногда мы забудем слова, что нельзя сказать о печали, которая вечна. Здесь Нейманн мог обращаться как к целому народу, так и к кому-то лично, однозначно толковать невозможно. Читается мотив печального конца, но печаль бесконечна, поэтому получается замкнутый круг. Это одно из самых пессимистичных стихотворений Нейманна.

Выводы по главе 2.2.:

Поэзию С. Костки-Нейманна невозможно трактовать точно или однозначно. Поэт использует нестандартные метафоры и образы, часто обращается в своих стихотворениях к неизвестным лицам, поэтому многие отрывки можно интерпретировать по-разному.

В своей бунтарской поэзии Нейманн главным образом затрагивает вопросы свободы слова, выражения мыслей на чешском языке, поведения народа относительно языковой ситуации в стране; демонстрирует свою бунтарскую натуру, не боящуюся громких слов, смело описывает сам себя, свои аморальные увлечения; восхваляет могущество сатаны. Громко звучит тема отчаяния, безысходности, присутствует много мрачных мотивов.

Проанализировав поэзию «анархистских» сборников, можно сказать, что С. Костка-Нейманн в своей бунтарской поэзии воплотился как мастер громкого, яркого слова, необычных образов и разнообразных провокационных тем.

ГЛАВА 3. ФРАНТИШЕК ГЕЛЛНЕР КАК ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БУНТАРСТВА В ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

3.1. Формирование Франтишка Геллнера как человека и творческой личности

Франтишек Геллнер всегда был большим индивидуалистом, своеобразной личностью, для которой не существовало границ. Он был известен не только как поэт, но и прозаик, а главное – карикатурист.

Биография имеет огромное значение для понимания и интерпретации творчества Ф. Геллнера, т.к. все его творчество носит мощный автобиографический элемент.

Франтишек Геллнер родился 19 июня 1881 г. в городе Млада-Болеслав в семье Карла и Габриэлы Геллнер. Карел Геллнер походил из обыкновенной семьи торговцев, Габриэла – из уважаемой и состоятельной семьи предпринимателей.

Интересная история у фамилии поэта. Старшее поколение писало свою фамилию с одним «л», однако уже младший ребенок в семье Карела Геллнера, Алжбета (1884), была при рождении записана как Геллнерова. Такой вариант фамилии их отец начал использовать с середины 80-х. Корни такого изменения ведут к немецкому слову «gellen», что означает в переводе «кричать», «орать», и в результате это должно было демонстрировать четкую политическую и гражданскую позицию носителя фамилии. Франтишек Геллнер, в отличие от своего отца, свободно пользовался обеими формами фамилии.

Значительное влияние на личность Франтишка Геллнера оказал брат матери, который был очень своеобразной богемной личностью, чем воздействовал на поэта, вызывая у него интерес к литературе и античной культуре.

О финансовом положении семьи сложно сказать точно, т.к. сохранившиеся сведения различаются. В одних источниках говорится, что семья не была финансово благополучна, в других же это опровергается.

В семье Геллнеров было семеро детей, однако только четверо из них достигли зрелого возраста. Это были первенец Густав, Павел, Франтишек и Алжбета, младший ребенок.

Густав Геллнер посвятил свою жизнь военному делу, медицине и науке. Результатом его научной деятельности стало подробное изучение истории медицины, его работы были посвящены знаменитым врачам XV-XVI вв. и актуальным проблемам военной медицины. Брат Павел последовал семейной традиции и занялся торговлей.

После смерти Франтишка Густав добивался того, чтобы творчество брата было собрано в собрание сочинений и опубликовано. Согласно некоторым данным, Геллнер надиктовывал брату некоторые свои произведения, а тот их тщательно записывал. Сохранились воспоминания родственников и о том, что Густав сам знал многие стихотворения брата наизусть, а для того, чтобы они не забылись и не канули в века, его дочь, а позже и внучка должны были учить эти стихи наизусть и рассказывать на семейных торжествах.

Студенческие годы Ф. Геллнера, в первую очередь, были связаны с городом Млада-Болеслав, с 1891 до 1899 года он учился там в гимназии. В этот период он познакомился с Йозефом Махом, который позже прославился как литератор, поэт и переводчик. Оба поэта не теряли контакта и спустя годы.

В четвертом классе гимназии Геллнер начал издавать вместе с одноклассниками журнал «Липа», а в следующем году – журнал «Люцерна», в которых он публиковал юмористические стихотворения и карикатуры на профессоров гимназии. В 1896-1897 году журнал был переименован на «Pele-Mele». Там впервые были напечатаны некоторые стихотворения самого Геллнера. В последнем учебном году студентами издавался журнал «Молодость», в который тоже вошло несколько стихотворений.

В шестом классе в одном из журналов было опубликовано стихотворение Геллнера «Пятнадцать бутылок коньяка» («15 lahví koňaku») под псевдонимом Й. Штика, за которое он получил первый гонорар.

Во время учебы в гимназии Геллнер занимался не только литературой, но и изобразительным искусством. В бывшем складе он обустроил нестандартную комнату, которая одновременно служила ему студией. Ее стены он украсил карикатурами из журналов и рисунками с сатанинскими мотивами.

Уже в это время начала проявляться необузданная натура Геллнера, его стремление преодолевать условности, разрушать клише и провоцировать читателей. Ярким примером в этом деле для поэта был его отец Карел, человек темпераментный и своеобразный, приверженец четких и бескомпромиссных гражданских и политических позиций, страстный сторонник социализма, полемист, и такой же страстный любитель пабов.

Когда профессора гимназии узнали, что Геллнер вместе с одноклассниками подписался на такие журналы, как «Moderní revue» и «Новый культ», и занимается их активным распространением, они пообещали принять меры. Посетив семью поэта для разговора об этом инциденте, в итоге, они только нарвались на грубость Геллнера-старшего.

Карела Геллнера с подобными проблемами посещали часто, т.к. Франтишек Геллнер в гимназии, кроме всего прочего, решил тренировать еще и свои способности курильщика и пьяницы. Например, он славился тем, что мог

одновременно курить две сигареты, чтобы получать двойную порцию никотина.

Именно в этот период заканчивал формироваться образ типичного Франтишка Геллнера: стройный молодой человек, со вкусом одетый, со стильным галстуком, пышной копной волос, голубыми глазами, бородой и пенсне на носу. Как бы он в последующие годы не менялся, прирожденная элегантность оставалась. Люди всегда были впечатлены тем, насколько большой контраст между яростными, необузданными стихами и интересной, изысканной внешностью Геллнера.

После сдачи выпускных экзаменов в 1899 году Геллнер уехал учиться в техникум в Вене. Там он жил у своих родственников, отношения с которыми не были хорошими. Самой учебе поэт уделял очень мало времени, результатом чего стала успешная сдача только одно экзамена, по рисованию.

Что привело Геллнера в Венский техникум – неизвестно. Вероятно, это было быстро принятое решение молодого юноши, только что закончившего учебу, и которого, вне сомнений, очень тянуло к искусству (напр., на уроках рисования он не использовал циркуль, т.к. мог все аккуратно нарисовать сам), литературе, гуманитарным наукам.

В Вене Геллнер продолжал увлекаться литературой, знакомился с людьми, которые были влиятельными в чешской литературной жизни, со временем некоторые знакомства переросли в долговременную дружбу.

В 1900 году Геллнер послал из Вены письмо С. Костке-Нейманну с просьбой о подписке на журнал «Новый культ». Нейман был заинтересован письмом, т.к. на конверте поэт оставил оригинальную карикатуру, изображающую венского гражданина. Результатом Геллнера поступка стало то, что Нейман напечатал в «Новом культе» несколько стихотворений поэта, а в 1901 году был издан первый сборник «После нас хоть потоп!».

Выход сборника вызвал в чешской среде бурную реакцию. А. Новак открыто осуждал издание, окрестив сборник самоуверенным жестом, находившимся между эротикой и цинизмом, как принесение в чешскую литературу кала с улицы. М. Кундера поддержал А. Новака в точности его характеристики, в том, что Геллнер действительно внес в свою поэзию часть настоящей жизни, главным образом, ее обратную сторону и язык простых улиц. На острую реакцию А. Новака Нейманн и Геллнер отреагировали совместно: Нейманн ответил резким письмом, назвал Новака ослом, Геллнер дополнил это карикатурой, на которой изобразил слабоумного Новака.

В Вене Геллнер также встретился и с Й. Махаром, хотя первую встречу он относит к 1899 году, встретив его в банке, но сам Махар относит эту встречу к 1901 году. Поэты переписывались в течение многих лет, из чего можно сделать вывод, что начинающий Геллнер уже тогда заинтересовал знаменитого

Махара собой и своим творчеством. В 1903 году Махар получил от друга второй сборник «Радостей жизни», а вместе с этим извещение Геллнера о том, что он не сдал экзамены, поэтому завязывает с творчеством и уезжает в Африку.

В 1901 году пребывание поэта в Вене подошло к концу.

В 1905 году, в связи с желанием переехать в Париж, Геллнер просит Махара послать ему адрес художника Франтишка Крупки и рекомендацию. Поэт не сомневался, что ценные советы Крупки могли бы помочь ему устроиться в Париже и найти источник средств, на которые он бы жил.

Два года в габсбургской столице позволили Геллнеру познать атмосферу мегаполиса и посвятить себя активной общественной жизни. Знакомство с ночной жизнью Вены и всеми искушениями беззаботного образа жизни дополняли посещения собраний анархистов, которые привели к тому, что Геллнером заинтересовалась тайная полиция. Из-за этого в последующих годах он славился как опасный анархист, что позже вызвало трудности при несении воинской службы. Следует констатировать тот факт, что отношение поэта к анархистскому движению во время учебы в гимназии и проживания в Вене сильно изменилось: от юношеского восторга до сдержанности.

Неуспеваемость по учебе вынудила Геллнера сменить место проживания и вернуться в Чехию. Осенью 1901 года поэт записался слушателем Баньской академии в Пршибраме. Этот город в течение многих столетий был связан с добычей железа и серебра. Позже академия стала престижным университетом и обрела право присуждать титулы своим выпускникам. Но к Геллнеру это не имело никакого отношения.

Годы, прожитые в Пршибраме, не прошли напрасно, и город, также как Вена, нашел отражение в творчестве поэта.

Пребывание поэта в Пршибраме снова было мало связано с учебой. Геллнер посещал лекции только в зимние месяцы, занимался на них своим «творчеством», рисовал портреты и карикатуры на педагогов или одноклассников.

В конце обучения, как и в Вене, Геллнер сдал только один экзамен. Последняя запись об успеваемости относится к 17 декабря 1902 года, когда поэт должен был пересдавать экзамены, но в связи с плохой посещаемостью можно сделать вывод, что на пересдачах Геллнер уже не появлялся.

В Пршибраме поэт снова жил активной общественной жизнью. Среди своих одноклассников он быстро нашел коллег, в основном из состоятельных семей, для посещения местных питейных заведений. Из дружной компании вскоре образовалось общество Пятилитровиков, члены которого обозначались кубками. В пабе «У сточесу» у каждого был свой герб, автором которых был Франтишек Геллнер. На своем гербе поэт изобразил шприц, напоминающий

поэту о вылеченном сифилисе. Пятилитровики были отменными пьянчугами, которые для более сильного алкоголического воздействия могли есть пиво ложками из тарелок или пить паленый спирт.

Можно предполагать, что учеба Геллнера не интересовала как вначале, так и в конце, в отличие от студенческих традиций, которых в Пршибрамской школе было много.

Находясь в Пршибраме, Геллнер часто ездил в столицу, вдохвоялся пражской культурой и обществом, общался с литераторами, связи с которыми старался поддерживать. Все они тесно контактировали с Нейманном и его женой Камиллой, навещали их на Ольшанской вилле. К постоянным посетителям относились такие приверженцы «Нового культа» как К. Томан, Й. Мах, М. Майерова, А. Боучек и др.

В своих воспоминаниях Нейманн констатировал, что они с Геллнером в этот период очень сблизились. Объяснял он это тем, что коллеги по учебе из Пршибрамы, хоть и были хорошими собутыльниками, но не могли вести с Геллнером интеллектуальные беседы и разделить его творческие увлечения.

Нейманн был способен понять сложную душу поэта, его бунтарскую натуру, критичность и неудовлетворенность не только учебой, но и необузданной богемностью. Нейманн понимал, что Геллнер пережил очень глубокие душевные разочарования.

Именно в этот период, в 1901 году у Геллнера появились чувства к М. Майеровой, которая предпочла импульсивному и эпатажному Геллнеру Й. Стивина, вместе с которым уехала из Чехии. Однако, несмотря ни на что, когда Геллнер и Майерова жили в Париже, их роман получил дальнейшее развитие.

Отношение Геллнера к любовным узам и женитьбе, как свидетельствует Нейманн, было серьезное и нравственное. Это звучит парадоксально, ведь в своем творчестве поэт изображал грязь и безнравственность.

Примером служит ситуация, случившаяся во времена работы Геллнера в «Лидовых новинах» в Брне. Там он часто навещал Нейманна и его подругу Б. Годачову. Однажды в 1912 туда приехала и М. Майерова. Со слов Б. Годачовой, Майерова послала ее в Брно за Геллнером с предложением начать жить вместе, т.к. свое замужество за Й. Стивиним Майерова назвала близящимся к разводу. Геллнер на такое предложение отреагировал очень бурно и категорично его отклонил.

Осенью 1904 года Франтишек Геллнер пошел добровольно на год в армию в Литомнержице, после чего вернулся в звании ефрейтора. Армейский опыт не принес поэту радости: Геллнер слыл безответственным, опасным анархистом и ненадежным человеком. Вследствие этого офицеры относились к

нему не лучшим образом, а их поступки нельзя было назвать достойными. К поэту придирались, старались всячески унижить.

Геллнер не поддавался на это и использовал все, что он пережил, в качестве материала для фельетонов и рассказов (напр. «Анархист на войне» («Anarchista na vojně»), «Самоубийца Несачек» («Sebevrah Nesáček»)). Его критическое видение армии и высмеивание профессиональных способностей, человеческих качеств офицеров сближало его творчество с творчеством Ф. Шрамека.

В армии Геллнер познакомился с Вацлавом Грубым, из писем которого можно узнать подробности об их дружбе. В творчестве поэта В. Грубый встречается как герой нескольких фельетонов.

В. Грубый считал Геллнера своим хорошим другом. При описании его внешности он всегда делал акцент на хрупкость, доминантной чертой называл бороду и необычное выражение лица. Упоминается и очередное желание Геллнера уехать за границу, на этот раз в Австралию.

Одной из главных проблем в армии было то, что физическая военная подготовка не была сильной стороной поэта, а скорее комической.

Геллнер писал в своих фельетонах о том, что ему приносили большое удовлетворение ситуации, когда своей неуклюжестью он вызывал у офицеров ярость и действия, выставлявшие их не в лучшем свете перед начальниками и остальными солдатами. Он специально изображал себя слабым звеном, вел себя таким образом, чтобы офицеры недалекого ума не могли на нем отыграться, а все воинские правила при этом нарушались. В некоторых письмах В. Грубого говорится, что Геллнер часто был мишенью оскорбительных словесных атак, которые поэт успешно отражал, разоблачая при этом все непрофессиональные и человеческие качества адресантов.

Геллнер закончил службу в армии в 1905 году, последующие годы прожил за границей.

Следует упомянуть о конфликте с семьей в это время. Скорее всего, он был вызван жизненным стилем поэта, неудачей в учебе, позором в армии. Геллнер ожидал, что раскол в семье произойдет, и вскоре в его словарном запасе появилось выражение «когда от нас отрекутся родители». Несмотря на это, в 1908 году из Парижа он вернулся домой.

Желание изучать живопись привело Геллнера в 1905 году в Мюнхен. В то время город стал центром университетов, государство активно поддерживало открытие музеев и других культурных и образовательных институтов. Однако консервативность и чопорность немецкой среды способствовали тому, что Геллнер, спустя шесть месяцев, оставил Мюнхен и переехал в Париж. Там Геллнер столкнулся с финансовыми трудностями, активно искал работу и в итоге нашел ее в газете «Cri de Paris, Rire a Le temps nouveau». С

профессиональной точки зрения вклад Геллнера в газету отметили многие, и сам по себе факт, что поэт работает в «Cri de Paris, Rire a Le temps nouveau» уже был впечатляющий, т.к. попасть в эту газету было непросто.

Но все же финансовые проблемы не исчезли и Геллнер начал искать другие способы заработать. Одним из выходов он видел поездку в Америку, где бы мог сотрудничать с местными журналами, однако осуществлению обдуманной поездки мешал тот факт, что Геллнер не говорил по-английски.

Во время первого пребывания Геллнера в Париже на свет появились «Парижские письма». Это было собрание девяти фельетонов, написанных в виде писем, датированных 2-7 марта 1907 года. «Парижские письма» поэта были посвящены темам политики и общественной жизни во Франции. Пребывание Геллнера во Франции как раз выпало на период так называемого марокканского кризиса между Францией и Германией, который повторно мог перерасти в войну. В своих «французских» фельетонах Геллнер уделил значительное внимание тогдашней внутреннеполитической ситуации: описывались анархистские деяния, активность социалистов. Также поэт извещал о возникновении новых журналов.

В 1908 году заболел Геллнер-старший, что стало причиной возвращения поэта на родину, но уже в следующем году он не стал сидеть дома и уехал учиться в художественную академию в Дрезден. Несмотря на то, что там он получал стипендию и различные премии, поэт не остался в городе. Согласно воспоминаниям из фельетона «О немецких трактирах и дипломатах», даже здесь, в своей академии, он чувствовал вражескую атмосферу (напр., оскорбительные высказывания в адрес большого количества славян и евреев). Геллнер покинул Мюнхен и снова вернулся в Париж. Спустя около двух лет он окончательно вернулся в Чехию.

Годы в Германии и Франции были для Геллнера полезны тем, что он ознакомился с новыми художественными направлениями, которые господствовали в то время. Нейманн обращал внимание на то, что за время своих путешествий поэт окончательно созрел как художник и карикатурист, об этом свидетельствует и работа в вышеупомянутых парижских журналах.

Геллнерова техника рисования и карикатурное творчество за то время прошли несколько стадий развития. В ранних работах, под влиянием стиля модерн, преобладал контраст черного и белого, четкие линии, работы были простые, вызывали ощущение наивности и инфантильности.

Благодаря Нейманну, который порекомендовал Геллнера в 1911 году главному редактору «Лидовых новин» А. Гейнриху, поэт начал работать в газете карикатуристом. В 1912 году он стал уже полноправным членом редакции со стабильной зарплатой, т.к. оправдал все ожидания. В основном,

поэт занимался воскресной рубрикой «Вечера», регулярно писал фельетоны и имел возможность печатать в газете свои рассказы.

Слишком откровенным повествованием о ночной жизни в Вене и собственных эротических переживаниях Геллнер шокировал Гейнриха и вызвал неприязнь к себе. Однако в 1911 году Геллнер внезапно показался ему мужчиной с нормальной самооценкой, знающий себе цену и адекватно оценивающий свои художественные способности. Гейнрих очень способствовал тому, чтобы Геллнер у них работал, т.к. считал, что качественные карикатуры поэта привлекут новых читателей и помогут журналу увеличить тираж. В то время Гейнрих уже нашел для сотрудничества по-настоящему элитный круг литераторов из всей Чехии.

Последствиями бурной жизни Геллнера стали проблемы со здоровьем, которые начали его беспокоить, заставляя вести более скромный образ жизни и ограничиться в алкоголе, что в то же время повысило трудоспособность поэта. Удовлетворенность качеством его работы проявлялась начальством в том, что поэту было разрешена максимальная свобода в его творчестве, публикуемом в газете. Обладая такими возможностями, в газете стали появляться не только карикатуры и фельетоны, но и множество рассказов.

Геллнерово сотрудничество с брненской редакцией «Лидовых новин» продолжалось до лета 1914 года и закончилось из-за насильственной мобилизации и ухода на войну. В данном периоде, 1911-1914, Геллнер отвечал за содержание последней страницы воскресной рубрики «Вечера», мог ее заполнять карикатурами и стихотворениями по собственному усмотрению.

Последние страницы «Вечеров» чаще всего были заполнены поэтическими текстами, дополненными карикатурами, иногда просто карикатурами без текста, рисованными анекдотами, а иногда это была просто пара рисунков с комментарием.

Если посмотреть на «Вечера» спустя почти целое столетие, то можно увидеть, что именно работа Геллнера прошла проверку временем, а темы актуальны и по сей день. Она была изюминкой каждого номера, вследствие чего повышенный интерес к ней проявляли не только читатели, но и цензура.

В «Вечерах» под своими рассказами, юморесками и фельетонами Геллнер иногда подписывался своим именем, а иногда псевдонимом Норберт Чижек или Роберт Чижек.

При оценивании качества «творческой продукции» поэта для «Вечеров» следует отметить важную вещь. В 1911 году Геллнер вернулся домой, спустя шесть лет пребывания за границей. Там он следил за событиями в истории, был в контакте с друзьями и коллегами. Жизнь в Германии и Франции помогла ему расширить кругозор, но с другой стороны нужно осознать, что поэт на долгое

время утратил ежедневный контакт с живой чешской реальностью, а это важно именно для сатиры и карикатур.

Гейнрих упоминал, что когда Геллнер начинал работать в газете, ему не хватало именно детального знания моравской действительности. Но он решил эту проблему таким образом, что в первое время больше внимания уделял более общим вопросам, а вскоре быстро заполнил пробелы, ознакомившись с ситуацией на Моравии и постепенно начал обращаться в своих работах и к ней.

Большое место в творчестве Геллнера занимают социальные проблемы его времени, что снова подтверждает то, о чем говорили его близкие друзья: социальное чутье у поэта было действительно хорошее. Образ жизни сельских жителей, городских бедняков, нищих, трудности с уплатой налогов – одни из самых сильных мотивов, которые встречались на страницах «Вечеров».

В некоторых случаях Геллнер уделял внимание и событиям в чешской культуре (напр. смерть Я. Врхлицкого). Последняя страница «Вечеров» 28 февраля 1914 года была посвящена Й. Махару, который праздновал пятидесятилетие.

1911-1914 годы с точки зрения творчества можно считать в жизни поэта разнообразными и плодотворными. Когда случился Сараевский теракт, Геллнер оставил работу и 28 июля 1914 года был призван в армию в Младе Болеслави, где встретился со своим двоюродным братом Франтишком Когнем, от которого потом семья Геллнера узнала о последних днях поэта.

Состояние здоровья Геллнера на тот момент не было удовлетворительным, он страдал ревматизмом и болями в позвоночнике. В письмах к родителям, которые в то время жили в Теплицях, никакой информации о проблемах со здоровьем нет, Геллнер наоборот писал, что со всем справляется и находится на связи с братом Павлом.

Поэт даже не пытался облегчить свои воинские обязанности или получить отсрочку на основании медицинского заключения, потому что считал, что даже это ему не поможет. У биографов и исследователей сохранились сведения, что родственники пытались устроить все так, чтобы поэт не шел на фронт, остался в тылу. Главным инициатором-защитником был его брат Густав, но не помогли даже хорошие связи и контакты.

Приблизительно между 20 и 22 августа 1914 года Геллнер отправился на фронт, где должен был участвовать в бою под Львовом. В последний раз его видели недалеко от Гродка. Поэт был настолько обессилен, что не мог ходить и остался лежать у дороги в месте, которое было подвержено обстрелу, но Геллнер не защищал себя.

Другим источником информации о последних днях поэта является письмо врача с фронта, где писалось, что доктор видел его на возе для солдат, неспособных для дальнейших действий.

С 13 сентября 1914 года Геллнер был объявлен без вести пропавшим.

Выводы по главе 3.1.:

Жизнь Геллнера нельзя назвать плохой, но и хорошей тоже: прохладные отношения в семье, постоянные переезды, разгильдяйство и бесконечное выхождение за рамки во всем, безнравственный образ жизни, неудачи и насмешки воспитали в поэте бунтаря, которому чужды правила и не имеют значения мнения других. Успешная же работа в газете, дружба с интеллектуальными людьми, признание в нем отличного художника сделали Геллнера человеком острого ума, уверенного в себе и тонко чувствующего красоту. Именно такой Геллнер мог написать свои элегантные, оригинальные и, одновременно, смелые произведения. Пусть не все современники оценили его, но, несмотря на это, Геллнер остался верен своей творческой манере, за что был признан последующими поколениями читателей и критиков.

3.2. Тематическое своеобразие романа в стихах «Радости жизни» (1903)

Роман в стихах (также его называют поэмой) «Радости жизни» был издан в 1903 году в Праге и одновременно являлся уже вторым сборником Франтишка Геллнера, которому на тот момент было только двадцать два года. «Радости жизни» можно назвать визитной карточкой поэта. Художественная ценность произведения в том, что автор поднимает в нем откровенные и одновременно актуальные темы для общества, о которых осмелится написать не каждый поэт. Большинство стихотворений в произведении имеет автобиографический характер и построено как свободный лирический цикл, местами производящий впечатление дневника. Важная особенность произведения заключается в том, что роман в стихах разбит на 35 маленьких частей, которые обозначены римскими цифрами, и при этом ни одна из частей не продолжает тему предыдущей. В одно целое все части связывает образ поэта, который выступает и как лирический герой, и как рассказчик во всем произведении, а также общность тематики, даже учитывая то, что все темы разбиты на куски и представлены в тексте абсолютно хаотично. Одной из главных задач поэта было не только обнажить действительность, но и подвергнуть критике моральные ценности общества того времени.

Кроме того, Геллнер был очень эмоциональной, чувствительной личностью, и все темы, которые он отобразил в поэме, от возвышенных до низких, прочувствованы и несут в себе мощный поэтический импульс.

Тематическое многообразие произведения впечатляет и читателей, и критиков. Как уже говорилось, части романа в стихах не связаны воедино одной сюжетной линией. Геллнер охватывает много тем, которые

систематически повторяются. Ни одна тема не повторяется единично, но всех их можно объединить в цикл, который органично воспроизводится. Первая проблема, которую мы рассмотрим – присутствие личности самого поэта в тексте произведения. В каждой второй строчке встречаются реалии жизни Геллнера, его духовный мир.

С первых же строк поэт обращается к самому себе: «A nastává mi, tuším, vážná jízda; Před sebou samým v dálku utíkám» [14, с. 7]. Можно трактовать цитату в двух направлениях: как начало большого, эпического произведения и как тотальное погружение в себя, в свое далекое прошлое. Называя роман в стихах важным путешествием, он тем самым демонстрирует свое серьезное отношение к произведению. Как мы знаем из биографии, поэт жил активной жизнью, полной авантур, чему посвящено наибольшее количество его воспоминаний в «Радостях жизни». Обращаясь к ним, поэт использует все три времени: прошлое, настоящее и будущее. Чаще всего воспоминания представлены в темных тонах, с нотками отчаяния и трагизма: «V scénérii mladých let hlavu skláním v žalu; V bahně skončí moje dny pro dar zapomnění, mosty jsou již spáleny; Zkusil jsem dost bolesti, snesu ještě více» [14, с. 18]. Раскрывая перед читателями свое прошлое, полное боли, Геллнер пессимистично смотрит сразу и в будущее: «Budoucí život svůj viděl jsem, dny marné a marné roky» [14, с. 23]. Поэт без раздумий называет себя циником, разочаровавшимся в мире уже с юных лет, вдыхая при этом неприятные запахи кабаков и клиник: «Jsem smutný mládenec, rouhavý cynik, v rozpuku mládí zhořkl mi svět, v ovzduší krčem a v zápachu klinik vypučel písňě mé jedový květ» [14, с. 33]. Это состояние не отпускает его до настоящего момента, в его душе грусть, холодное осеннее настроение: «Mé mládí ještě dnes mne ve snu straší, ta pustá léta smutná k zoufání!» [14, с. 57].

Молодость – горячее время, но сердце поэта, по его словам, не пылало жизнью, поэтому Геллнер не видит смысла сожалеть о череде пустых ушедших лет, ведущих к отчаянию: «Proč právě nyní vzkvétá v mé duši smutek s chladným podzimem. Nevím přes, proč bych litovat měl léta, jež nezažehlo ohně v srdci mém» [14, с. 36]. Эти серые дни не отпускают его, а возвращаются как птицы, заставляя поэта жить тусклым прошлым: «Den za dnem v stejné prázdnotě se ztrácí. I hospody svůj půvab ztrácejí. Minulé dny jak poděšení ptáci se do mé duše s šerem vtacejí [14, с. 49]. Единственное, о чем мечтает Геллнер, вспоминая молодость – покинуть свое скучное место обитания, как птица вылететь из гнезда: «Jak rád bych si teď vyletěl ze svého nudného hnízda» [14, с. 55]. Он перечисляет абсолютно все, чего ему не хватало, по чем тосковали его сердце и душа: «A cítím, kterak zvolna v duši moji nového cosi teskně vstoupilo jak vzpomínka, jež přesnosti se bojí, vzpomínka na něco, co nebylo: Na něžná slova, kterých neslyšel jsem, na teplo krbu, jež mne nehřálo, na všechno, o čem snad kdys

přemýšlel jsem, co se však nikdy skutkem nestalo, na souzvuk srdcí, jenž mne nedojímal, na věrných rukou vřelé soužití, na duše klid, který mne neobjímal a po kterém jsem přestal toužiti» [14, s. 36]. Несмотря на такой абсолютный негатив, были в жизни Геллнера и приятные периоды, о которых он не забывает упомянуть: «Vídeňské noci, jak vás miloval jsem, opilost vaši, vaši hýřivost!» [14, s. 49].

Произведение заканчивается словами, подчеркивающими всю неуспешность жизни поэта: сама природа призывает его повеситься и поставить точку: «Šel jsem podle řeky, a vrby chtějící mne poděsit volaly na mne posměšnými skřeky: přáteli, bratře, pojd' se oběsit!» [14, s. 71].

Еще одна значимая проблема в романе в стихах – это размышления поэта о самом себе как о человеке, о своих чувствах, ощущениях, переживаниях, состоянии внутреннего мира. Самым частотным объектом самоанализа является состояние его души и сердца, обращение к ним: «Mé mládí se mnou prudce hovoří. Toužebným vzruchem chvěje se mé tělo. - Ale mé srdce, ne, to nehoří» [14, s. 47].

Геллнер критикует не только мир вокруг, но и себя, упрекая в неудовлетворенности имеющегося. К своей душе он обращается как к «верной», тем самым показывая ее как свою подругу и советчицу: «Co mi dával život, vše mi bylo málo. Moje věrná duše, co se s tebou stalo?» [14, s. 48]. Советуется он не только с душой, но и с сердцем. Оно тоже приобретает статус самостоятельного организма, т.к. Геллнер говорит о себе и о сердце как о нас: «Pověz mi, srdce mé, v kterou poušť světa se svou beznadějí se smutni skryjeme?» [14, s. 21]. Идея побега в никуда и от всего, даже от себя, очень актуальна для поэта и встречается не один раз: «Nejlépe bylo by vzdálit se a nikdy se nenavrátit, svým bližním a nejbližším ztratit se, a sám sobě se ztratit» [14, s. 40].

Поэт жалуется на самого себя, отзывается о себе не самым лучшим образом: он портит своих друзей и страну, губит любую красоту: «Jsem na škodu jen bližním svým, vlasti a národu. Spaluju dechem mrazivým veškerou úrodu» [14, s. 26]. Свою речь и смех поэт называет грубыми: «Má řeč je hrubá jak můj smích a jako moji známí. A alkohol (to myslil bych!) jemnosti nepřidá mi» [14, s. 39].

Одним из ярких моментов романа является часть, в которой Геллнер обращается к другим поэтам, при этом сравнивая себя с ними, к себе он критичен. Свой уровень он считает низким, поэтому «находится в стороне», но не забывает объяснить причину этого, выставляя себя в самом плохом свете: «Což, páni spisovatelé, vašeho nejsem druhu. Proto jsem stál tak nesměle ve vašem ctěném kruhu. Já rostl bez vší výchovy v pračkách a snižování. Do intimity vašich sfér nevnikal pokřik lůzy. Já bouřlivý byl debatér anarchistických schůzí. A já jsem student zhýralý a ztrhaly mě flámy» [14, s. 38]. Геллнер считает, что из-за плохого

обращения у него не получилось состояться как уважаемый, благородный человек. Мнение общества накладывает отпечаток на его мировосприятие: «Já v mládí chorobně až citlivý byl, a kdo šel kolem, ten mne ponížil» [14, с. 57]. Люди его унижали, обманывали, предавали: «Všichni mi lhali, všichni mi lhali, blázna si ze mne dělali. Přede mnou citem se rozplývali, za zády se mi vysmáli» [14, с. 62]. К губительным привычкам относятся и его любимые развлечения – женщины и алкоголь: «Mé srdce zchudlo u holek a piva» [14, с. 58].

Посреди этого хаоса отчаяния, Геллнер, к удивлению, выдвигает идею, что все-таки, может быть, еще не все потеряно, но через пару строк становится ясно, что эта мысль – очередная насмешка над собой: «Konečně je to možná věc, že ještě něčím budu. Do Afriky se vypravím... budu se s šelmami o závod prohánět po pralese. Za ženu vezmu si gorilu. Myslím, že shodneme se. Má srdce divoké jako já a též je bez konfese» [14, с. 43].

Геллнер не оправдывает себя, открыто говорит, что он не придерживается морали, ищет легких удовольствий, а о серьезных чувствах, которые всего лишь три раза в жизни испытывал, стыдно вспоминать и признаваться своему сердцу: «Jsem člověk nemravný a zanedbaný a lehké holky měl jsem příliš rád. Však miloval jsem opravdu tři panny, ach, je mi stydno na to vzpomínat!» [14, с. 59], «Jsem špatný člověk pokažených mravů, však třikrát jsem opravdu měl rád. Je směšno v pláči skloniti svou hlavu a trapno je se srdci svému smát» [14, с. 60]. В связи с этим и из-за своего недоверия к людям, от любых серьезных отношений поэт убегает и прячется: «Srdce mé stále po lásce prahne, nikomu však již nevěřím. Když někdo ke mně ruce své vztáhne, ustoupím bojácně ke dveřím» [14, с. 62].

Проанализировав тематический пласт, посвященный образу лирического героя, которым выступает сам Франтишек Геллнер в произведении, можно сделать вывод, что поэт полностью раскрывается перед читателями как личность «без руля и ветрил», маргинал и отщепенец, показывает свою душу, ничего не утаивает, ведь, по его словам, уже все потеряно. Настроение безысходности пропитывает все его высказывания о себе и своей жизни.

Вторая тема, к которой мы обратимся – тема женской красоты, чувств поэта к женщинам. Этой теме посвящено не так много внимания, как теме личности, но то, что она тоже занимает значимое место – неоспоримый факт. Частью этой темы является эротическая составляющая, о чем будет сказано отдельно.

В большинстве случаев, мы встречаемся с «женщинами Геллнера» в его воспоминаниях, также окрашенных темными тонами и пропитанных унынием. Мы узнаем, что в жизни поэта существовали женщины, которых он мог называть дамами сердца и рассказывать им о вечной любви: «Napsala mi psaní srdce mého paní, že mne bude milovati do skonání» [14, с. 9]. Но, как уже

известно, у поэта в жизни не бывает счастливых концов, поэтому и такие отношения у него оказываются иллюзией и обманом: «Jako kočka s myší se mnou jsi si hrála, o lásce a zášti stejně jsi mi lhala» [14, с. 9]. Таким образом, все самые светлые желания поэта догорают как пламя огня, ведь вместо желаемого пылкого сердца он получает камень: «Chtěl jsem tvoje srdce, podalas mi kámen. Zvolna dohořel mi v duši bílý plamen» [14, с. 9]. Поэт приводит очень интересное сравнение своих мертвых рук и живого женского сердца: «Ruce jsem si zahřát chtěl, mrtvé ruce zahřát chtěl na tvém srdci živém» [14, с. 18]. Продолжая линию печали, автор приходит к сравнению своих чувств с нежным сердцем в грязи: «Něžný srdce vznět ve špíně a kalu» [14, с. 18].

В рамках данной темы можно обнаружить и намек на высокие мотивы со стороны поэта. Например, когда он сравнивает себя со средневековым дворянином, который не способен оторвать взгляд от девушки: «Zbožně jsem na ni zřel, bezmála jak středověký šlechtic» [14, с. 12]. Возвышенно Геллнер отзывается и о женских губах и голосе: «Něžných retů měkký hlas» [14, с. 19]. Но, т.к. полноценного счастья у поэта не бывает, этот мягкий голос он не слышит рядом, а где-то далеко с противоположного берега жизни: «Hlasy měkké nezněly z protějšího břehu» [14, с. 19].

В тексте произведения неоднократно встречается мотив сна. Это сон о прекрасной даме, которая принадлежит поэту: «Pěkný sen o tobě, moje milá. Zdálo se mi, však zdálo jen, že jsi mou ženou byla. Líbal jsem tvoje ruce, hlubokým dechem se zdvihala hrud' tvoje dětská prudce» [14, с. 22]. Геллнер утверждает, что женщина и ее красота – лучшее удовольствие: «Požitků ze všech žena největší je. V sny zahřměla mi nahá krása žen» [14, с. 58]. Поэт описывает красоту женского тела: «A těla žen jsou rozkošná a sladká, když mládí bouří v krvi bezcitné, a cesta k nim je snadná tak a hladká. A náhle srdce ze sna procitne» [14, с. 47].

Как мы видим, тема любви к женщинам у Геллнера не окружены ареалом святости, а имеют горький оттенок суровой жизни и реальности.

Третья значимая тема в романе в стихах – эротическая. Следует сказать, что эротика у Геллнера всегда чем-то «запятнана», местами даже грязна, больна, что можно рассматривать как отличительную черту творчества поэта.

В рамках этой тематики женщина изображается уже не как что-то прекрасное, а как «товар с приложением венерических заболеваний»: «Za večeří tam koupí člověk ženu s nádvkem venerických nemocí» [14, с. 7]. Ложе Геллнер изображает грязным и тесным: «Pokoji pro dva s jedním ložem pouze a s legiony drobných zvířátek» [14, с. 7].

Поэт ставит почти каждой своей героине грешную печать на невинный лоб, тем самым создавая общий образ грешной женщины в своей романе: «Na panenském čele pečet' krutých hříchů» [14, с. 10]. В его повествовании

встречаются сюжеты частого времяпровождения с девушками в темных улицах, отелях, кабаках и других подобных местах: «Večer jsem k městu ji provázel, v noci jsem líbal ji v sadech» [14, с. 13], «A když jsme z hospody vyšli ven, k sobě jsem přitisk ji prudce. Dech ve vášnivý přecházel sten, chvět se nám počaly ruce» [14, с. 14], «Po milých slovech přišel vřelý pohled, a po pohledech prudkost pocelů, a konečně jsem přemoh všechen ohled a zavlékl ji v lože hotelu» [14, с. 50].

Отличительная черта поэтики произведения – эмоциональность в описаниях: «A přijde den, a žár se mladým lidem rozlije po lících. A panny touhou rozrušeným klidem zapláčou v ložnicích» [14, с. 21], «Dotykem nádherných, smyslných ramen, sítě své prostírám vášni se třesa, jedna mi po druhé v náruči plesá» [14, с. 30]

Страстные чувства неотделимы от страданий, без которых его жизнь пуста и не имеет смысла: «Zase mně nemožnou zdála se jistota krutého děje, že sladká tíž tvého těla se v náruči jiného chvěje, že mi než lítost nezbyvá, hořkost a beznaděje» [14, с. 23]. Встречается и мотив смерти: «Vzdušné mé vidiny, nádherná těla, která z vás touhu mou ubít by chtěla?» [14, с. 30]. Иногда встречаются сравнения чувственной женщины с землей, природой: «A přijde den, a luh se zazelená, zpěv zazní do ticha. Zpěv zazní do ticha. A země jako roztoužená žena smyslně zavzdychá» [14, с. 21].

Сделаем вывод, что эротические мотивы у Геллнера представлены динамично и эмоционально. Отношение к женщинам показано как непристойное и оскорбительное.

Остановимся на пространстве в романе в стихах. Геллнер часто описывает город, улицы, кабаки, всевозможные заведения. Он конкретен в своих описаниях.

Большинство улиц в произведении предстают грязными и кривыми. Это дает возможность провести параллель улиц с жизнью героев – она такая же «грязная» и «кривая», т.е. понятие «кривых улиц» можно рассматривать как метафору: «A ulice křivé» [14, с. 7]. Кабаки же ничем не лучше по описанию – в них скапливается людской пот, дым, всевозможные неприятные запахи: «Sál byl pln kouře a výparů, piva a lidského potu» [14, с. 14]. Обитатели таких мест описаны сумасшедшими и отчаявшимися: «A krčma byla pustá již a prázdná. Jen v koutě se kdos neměl ke spaní. V svých očích nejistý měl pohled blázna a hlavu těžkou klopil do dlaní» [14, с. 17].

Таким образом, любой топос у Геллнера представлен «злачными местами», что создает общую атмосферу произведения.

Тема Бога не представлена в «Радостях жизни» широко, но и ей стоит уделить внимание в нашей работе. Образ Бога как такового отсутствует. Местами Геллнер относится к религии уважительно, местами высмеивает и выставляет в неподобающем свете. Например, за комнату, украшенную

крестами и образами святых, он платит очень маленькую цену, что может говорить о том, что к святым ценностям автор холоден: «Najal jsem za sedm zlatých pokoj s třiceti soškami, kříži a obrazy svatých» [14, с. 12].

В некоторых ситуациях поэт к Богу обращается непосредственно с восклицаниями, просьбой, благодарностью: «Přemilosrdný bože, jakés to stvořil milencům tvrdé svatební lože!» [14, с. 15], «Hloupost jak chléb nám k žití potřebná je. Dej nám, ó bože, chléb náš vezdejší!» [14, с.68], «Děkuju bohu a děkuju čertu za plaché chvíle prchavý dar» [14, с. 33]. Восприятие поэтом Бога и черта как равных свидетельствует о его нерелигиозности. Также в тексте встречается образ Божьей матери и еврейского Бога: «Bud' Matka boží pomocná ti v stavu přetěžkém» [14, с. 25], «Židovský pánbůh měl svátek, a židi mu šli děkovat za všechen vezdejší statek» [14, с. 45].

Поднимается вопрос веры как таковой. Поэт отмечает, что Богу повезло, ведь он в него не верит. В этом отзвук иронии Геллнера по отношению к самому себе: «Pánbůh má štěstí, nevěřím-li v něj!» [14, с. 66]. Не верят в Бога и многие другие, ведь молящихся людей уже почти не встретить: «Já nechci sahat do svědomí bohu je jich už příliš, kdož se nemodlí» [14, с. 68].

Можно сказать, что тема Бога присутствует, но является проблемно-тематической доминантой. Сам поэт предстает перед нами как безбожник, к церкви как к общественному институту относится неуважительно.

Следующая важная тема в произведении – размышления поэта о жизни, советы, общие замечания. Главная мысль, которую Геллнер хотел донести, мы находим именно здесь. Произведение называется «Радости жизни», т.е. именно это он считает самым важным – не то, какова жизнь, а именно способы ей наслаждаться. Как мы помним, Франтишек Геллнер – неординарная и своеобразная личность, поэтому и советы его такие же: лучшие радости в жизни, по его мнению – алкоголь и женщины: «Drobky pod stůl hází nám osud, ostatní vše je nicota. Alkohol ještě je! Holky jsou posud! Jsou ještě radosti života!» [14, с. 32].

Кроме того, «Радости жизни» можно назвать исключительно мужским произведением, т.к. поэт в нем обращается преимущественно к мужской аудитории, женщин он только описывает или упоминает.

Следует обратить внимание на то, что если именно на этом автор сосредоточил свое внимание и даже поместил в название, то мы имеем право назвать все произведение манифестом чешского гедониста и декадента.

Геллнер часто делится с аудиторией своими мыслями о людях. Автор убежден, что если человек хочет быть счастливым, он не должен быть скромным, потому что таких людей счастье обходит стороной: «Skromní lidé mívajjí štěstí!» [14, с. 16]. Поэт рассуждает и о человеческих взаимоотношениях: кто-то в трудную минуту всегда поможет, а кто-то нет: «Někdo ti pomůže nudu

tvou nésti, někdo ti hnít bude po boku» [14, с. 16]. Некоторые будут готовы разделить и последний черствый хлеб: «Tvrďý chléb chudoby rádi jsme v lásce lámali spolu» [14, с. 22]. От лица одного из персонажей автор говорит о людской неблагодарности, о черствых сердцах людей: «Rum smutně pil pan řiditel, a stěžoval si v slovech zlých na nevděk obecnstva, na tvrdá srdce hostinských, na hlad a žízeň členstva» [14, с. 28]. Из биографии мы знаем, что Геллнер недолюбливал военных – в произведении он об этом не забывает упомянуть, описывая наглое поведение солдат в отношении женщины: «Obtěžována drze vojáky» [14, с. 49]. Поэт не раз говорит, что интеллект общества он считает низким: «Nízky a úzký lidský intelekt» [14, с. 66], и что человеческая глупость бесконечна: «Noc byla věčná jako hloupost lidská a jako život byla zoufalá» [14, с. 70].

Жизнь Геллнера не была легкой, поэтому большинство высказываний о ней у него негативное и прохладное. Поэт говорит, что у реальности «ледяные руки», т.к. ему не раз приходилось чувствовать их на себе: «Skutečnost sevřela srdce mi ledově studenou dlaní» [14, с. 22]. Геллнер видит жизнь короткой и полной как печали, так и радости, но смерть для него – долгожданный гость: «Hledím v ten krátký život: žalu i radosti dost. Pak smrt se očekává jako příjemný host» [14, с. 27]. Посмертную жизнь поэт описывает предельно натуралистично: он угостит собой червей в холодном, черном гробу: «Pozvu své červíčky k hostině v černém, studeném hrobě» [14, с. 35], ведь «чаша жизни» предлагала ему только печаль и боль: «Života číši jsem naklonil ke rtu, piju z ní smutek a bolest a zmar» [14, с. 33]. Мнение поэта таково, что мир никогда не изменится, все безнадежно: «Svět, jak byl, vždy bude stejný, život stejně beznadějný» [14, с. 44].

Геллнера считает, что копить непрожитые годы бесполезно, следует жить каждый день. Рекомендует поэт и свои любимые способы времяпровождения: «Šetřiti léty, jež nemají ceny, v tom velká moudrost nevězí. Dobré je opium, alkohol, ženy» [14, с. 32].

В одной из частей романа в стихах Геллнер несколько раз повторяет фразу, что «человечество бесконечно стирает грязное белье», имея этим в виду, что жизнь всегда полна низких человеческих поступков и похоти: «Trochu se vraždilo, trochu se kradlo, pereme, pereme špinavé prádlo» [14, с. 64]. Мир, по его словам – большой зверинец: «Svět je jeden velký zvěřinec!» [14, с. 65]. И не только зверинец, но и тюрьма, разбой, сплошное убийство: «Ten svět je samé vězení a samá loupež a vražda» [14, с. 42]. Геллнер обнажает изнанку жизни, показывает пороки человека и общества. В особенной манере подачи материала таится вызов этому обществу.

Геллнер вносит также мысль о существовании нескольких миров: «Kolem nás světů je tisíce, pro které schází nám smysly» [14, с. 34]. Вечность для него

безгранична, время – фикция: «Závratná, tajemná věčnost je, čas je jen ješitná fikce, závratná nekonečnost je, vesmír je nevhodná dikce» [14, с. 34].

Также поэт выступает в произведении и в ипостаси советчика, заботящемся о благополучии народа. Он наставляет мужчин, чтобы хранили верность женам: «Živte se klidně úrodou své země a u manželek spěte zvečera!» [14, с. 65]. Советует также ценить и жизненные удобства, которые есть, но не ценятся осознанно: «Važte si, lidé, svého pohodlí!» [14, с. 68]. Геллнер рекомендует принимать в жизни активное участие: «Nutno je v životě účast mít, k některé přidat se straně a svoje srdce nastavit dobře mířené ráně» [14, с. 24]. А главное, будучи ценителем алколя и развлечений, он призывает людей всех народностей напиться, называя их при этом братьями: «Napij se, Turku, žide, křesťane! Jen připijte si, milí bratři Němci! Slovani, pijte! Pijte, cizozemci!» [14, с. 65].

Выводы по главе 3.2.:

Размышления о жизни представлены в самых темных тонах, но своими наставлениями поэт призывает жить счастливо. Произведение полно непристойных смелых выражений, но за личиной Геллнера-развратника мы видим его истерзанную душу. За эпатажной позицией скрываются одиночество и опустошенность, лиричность души, тяга к любви, социальной справедливости и подлинным ценностям, которые недостижимы для поэта.

Проанализировав тематический план произведения, еще раз выделим темы, воплотившиеся в романе в стихах «Радости жизни» Франтишка Геллнера: 1) Личность самого писателя; 2) Красота женщин и любовь; 3) Эротика; 4) Бог и вера, религия, институт церкви; 5) Городские мотивы; 6) Общефилософские рассуждения о жизни, замечания, советы
Все темы разрабатываются Геллнером в декаданском ключе.

ГЛАВА 4. ФРАНЯ ШРАМЕК КАК БУНТАРЬ-АНАРХИСТ И ТОНКИЙ ЛИРИК В ОДНОЙ ИПОСТАСИ

4.1. Двойственность Ф. Шрамека как поэта и человека

Франя Шрамек остался в истории чешской литературы известным не только как бунтарь-анархист, но и как тонкий лирик, чувственный поэт. Кроме того он является прозаиком и драматургом, что свидетельствует о многогранности его писательского таланта.

Поэт родился 19 января 1877 г. в городе Сobotка в семье чиновника. Отец занимал важную должность, поэтому переезды были привычным делом. Спустя восемь лет семья переехала в город Писек, который оставил в жизни Шрамека глубокий след – поэт подробно описал город в своем самом знаменитом романе.

В 1894 г. будущий поэт отправился в город Роуднице над Лабем, где получил среднее образование. В 1903 г. Шрамек добровольно отправился на год на военную службу, но из-за проявлений его анархистской натуры в виде наказания он получил еще год. После этого, по желанию родителей, Шрамек поступил на юридический факультет в Праге, но закончить обучение ему не удалось, т.к. уже тогда поэта больше интересовала литература и публицистика, чему он и стал посвящать свое время.

В Праге Ф. Шрамек стал жить в вилле С. Костки-Нейманна с другими поэтами, легко нашел близких себе по духу анархистов в популярном журнале “Новый культ”, там же были опубликованы первые стихотворения поэта. Работал редактором анархистского журнала “Работа” (Práce). За участие в демонстрациях и антимилитаристскую поэзию он два раза попадал в тюрьму.

Творчество поэта в это время было пропитано экспрессивностью, но в то же время лиричностью, поэтической образностью. Главными темами стали социальные противоречия, конфликт человека и общества. Первыми пробами пера поэта стали стихотворения и фельетоны, рассказы. В 1905 г. выходит первый и единственный анархистский сборник поэзии «Горькая жизнь, все равно я тебя люблю» (Života bído, přec tě mám rád, 1905). Книга пропитана духом бунтарства, скепсисом, разочарованием, отрицанием милитаризма, но при этом поэт по-прежнему говорит о любви к жизни, и это отличает его от других поэтов-бунтарей. В 1906 г. вышел еще один сборник похожей тематики «Голубой и красный» (Modrý a rudý, 1906). Здесь автор бóльшее внимание уделяет теме войны, цвета в названии сборника говорят о противопоставленных сторонах: голубой – цвет австрийской униформы, красный – цвет анархизма.

Сборник несет в себе отголосок бунтарства, но просто «бунтарским» его уже сложно назвать.

Также в эти годы Шрадек знакомится с Милославой Грдличковой, которая стала его спутницей жизни. На то время такая женщина была большой редкостью, потому что была финансово независимой, начитанной и владела тремя иностранными языками.

В годы Первой мировой войны Шрадек сражался на русском фронте, позже – на итальянском и румынском. В это время у него возникают проблемы со здоровьем.

Война заставила Шрадека еще раз убедиться в своих взглядах относительно войны, и в 1916 г. появляется сборник «Плотина» (Splav, 1916), который считается вершиной творчества поэта. Шрадек пишет о том, что лучше быть пастухом или крестьянином, чем солдатом, что природа лучше любых окопов, поэт вспоминают свой родной город – в этом главная ценность жизни. Этот сборник написал Шрадек-тонкий поэт: встречается интимная лирика, воспевание женской красоты.

В 1921 г. был переписан и издан, созданный в 1910 г., знаменитый роман Ф. Шрадека «Серебряный ветер» (Stříbrný vítr, 1910), ставший ярким событием в истории чешской литературы и вершиной творческого наследия автора. Роман считается ярким воплощением импрессионизма и автор здесь выступает исключительно во второй своей ипостаси: лиричный, чувствительный, жизнелюбивый. Также Шрадек является автором романов «Перекрестки» (Křižovatky, 1913), «Тело» (Tělo, 1919), «Ловушка» (Past, 1931).

С середины 30-х лет Ф. Шрадек практически перестал существовать для внешнего мира. Во время оккупации он изолировался от общества в своей пражской квартире и писал «в стол», не относился ни к какой литературной группе, к чему коллеги-анархисты относились очень критично, потому что считали такое поведение предательством. Сам поэт считал, что бурные действия не принесут пользы, поэтому участвовал в протестах методом игнорирования. Результатом такого периода стал сборник поэзии с антифашистскими мотивами «Раны, розы» (Rány, růže, 1945).

В 1952 г. Ф. Шрадек умер от болезни легких, т.к. всю жизнь был курильщиком. Поэт похоронен в своем родном городе Сobotка, куда часто ездил в последние годы своей жизни.

Выводы по главе 4.1.:

Жизнь Франи Шрадека не была так пестра и многогранна, как у С. Костки-Нейманна и Ф. Геллнера, поэтому его биография так же скромна, как сам литератор. Ф. Шрадек – двойственный поэт: с одной стороны бунтарь против условностей, со второй – поэт любви, природы и жизни. Нельзя сказать, что он бунтарь с большой буквы, скорее его можно назвать «тихим анархистом», т.к.

бунтарство было его краткосрочным увлечением, и творчество того времени окрашено именно идеями, которыми увлекался поэт, но не истинным «Я» автора. Шрадек-анархист выступал за идею гармонизации человека и мира, антимилитаризм, политика его не интересовала. Настоящий Ф. Шрадек любил свой дом, родной город, природу – и это его подлинная ипостась, в которой он проявил себя намного шире.

4.2. Сдержанность бунтарской поэзии Ф. Шрамека в сборниках «Горькая жизнь, все равно я тебя люблю» (1905) и «Голубой и красный» (1906)

Поэзия Ф. Шрамека не громкая, как у типичных бунтарей-анархистов, но сильная, и это дает право чешским литературоведам признавать его одним из представителей бунтарской генерации. В стихотворениях поэта присутствуют мотивы анархизма и бунтарства, но их особенность в том, что Шрадек подает их в более спокойном ключе: его строки не хочется выкрикивать, на них не хочется повышать тон. Также следует упомянуть, что тема бунтарства у Шрамека воплотилась в относительно небольшом количестве стихотворений, из-за чего мы не можем проанализировать поэта так же широко как С. Костку-Нейманна и Ф. Геллнера.

Мы находим в поэзии Шрамека мотив смерти, но поэт относится к данному явлению спокойно, как к обычной ситуации: «Umřela v pátek, pohřbím ji v neděli. Ptali se po ní, a že jsem rozumný hoch o její smrti jsem klidně vyprávět mohl, s takovým klidem, rty se mi nechvěly» [35, Pohřbím ji v neděli, с. 33]. Поэт отмечает, что его спокойствие говорит о том, что он умный молодой человек. Однако сразу же Шрадек пишет о своей оплошности: он забыл закрыть мертвой глаза, и теперь они говорят то, что не успели сказать губы: «Jenom to jedno, víte, hlava se člověku točí, já jsem jí zapomněl zatlačit oči; co živá neřekla rtoma, říká teď očima» [35, Pohřbím ji v neděli, с. 33]. Создав мрачную атмосферу, поэт продолжает в том же духе, говоря, что отдаст ее (при этом ласково называя птичкой) чертям: «Já vím, ty můj ptáčku, moje malá, ty jsi život milovala; a těch očí již se na nic neptám a již jenom odpovídám, v neděli tě červům vydám...» [35, Pohřbím ji v neděli, с. 33]. Проанализировав данное стихотворение, мы можем сделать вывод, что мрачные мотивы Шрадеку-анархисту не чужды.

Тема эротики, свойственная многим представителям генерации бунтарей, также присутствует у поэта. Шрадек пишет, что как-то провожал девушку сомнительного поведения, и в это время совершенно не думал о приличиях и морали: «Já včera vyprovázel holku pochybnou, a když jsem ji vyprovázel, mravní cit mi asi scházel» [35, Epizoda, с. 16]. Описывая ночную красоту природы, поэт хвастается собой как мужчиной, но за это же просит его простить: «Na déšť

počnící zralé mraky, v tmách kvet rudě cit, nejsem rytíř ledajaký, dobře líbám, koušu taky, rač mi odpustit» [35, Epizoda, с. 16]. Обращаясь к девушкам (моя маленькая, золотая, птичка), Шрамак галантен, но свои непристойные поступки объясняет зовом плоти, сердца: «Děvče zlaté, bezejmenné, snad už tě mám rád, že tě koušu do ramene, to si srdce připomene vždy svůj marný hlad» [35, Epizoda, с. 16]. Эротическая тема не представлена у Шрамека широко, можно говорить только о единичных случаях, т.к. поэт отдавал предпочтение теме любви и женщин в благородном ключе.

Автобиографический компонент включают в себя строки, где Шрамак извиняется за то, что никого не позвал на свою свадьбу: «Už se na nás nehněvejte, že jste při tom nebyli, když jsme se my s mojí milou ženili» [13, Svatba]. Продолжение стихотворения возвращает нас к мрачным мотивам, когда Шрамак пишет, что они с невестой пошли дорогой прямо в ад: «Nikoho jsme nepozvali, nikomu nic neřekli, šli jsme rovnou cestou v peklo místo v předpekli» [13, Svatba]. Но тут поэт снова демонстрирует легкость и непринужденность, говоря, что он женится просто потому, что хочет, и что у него нет времени на игры: «Tulák se tak lehko žení, tulák nemá čas si hrát, tulák, ten se proto žení, že má rád» [13, Svatba]. Поэт снова гармонично соединяет легкость и мрачность.

Больше внимания в своей поэзии Ф. Шрамак уделил теме войны, т.к. был антимилитаристом. В самом знаменитом своем стихотворении поэт пишет, что ему прислали письмо, где сообщается, что он должен идти служить: «Píšu mi psaní vojanští páni, a tam stojí psáno dvanáctého ráno, že já musím rukovat» [35, Píšu mi psaní, с. 43]. У солдата нет выбора – он должен воевать: приложить к щеке пистолет и прицелиться, если нужно, даже в собственное сердце: «Voják je voják, musí bojovat – vloží k líci pušku, vezme si na mušku třeba vlastní srdce své» [35, Píšu mi psaní, с. 43]. Шрамак поет и проклиная то, что он – резервист, поэт, анархист, и это единственные строки в его поэзии, где он называет себя анархистом: «Já jsem rezervista, básník, anarchista, zpívám si a proklínám» [35, Píšu mi psaní, с. 43]. Маршируя, он будет петь: «Голубой резервист, красный анархист, в голубой долине красный цветок»: «Pomašuju, zpívat si budu: modrý rezervista, rudý anarchista, v modré dálce rudý květ» [35, Píšu mi psaní, с. 43].

Шрамак не показывает себя пессимистом, а наоборот уверен в победе, потому что они, сыны Влтавы, всегда выигрывали: «My to vždycky vyhrávali, my to zase vyhrajem, my jsme hoši od Vltavy» [35, My to vždycky vyhrávali, с. 61]. Но т.к. Шрамак антимилитарист, он призывает не хвататься за нож, когда придет черный день. Он призывает выбросить его и бежать без оглядки: «Když černé přijdou dny, nehledej v opasku nůž, nehledej! Pokouší, vábí? Zahod' jej! Zahodils? Odejdi, nevrat' se, nehledej!» [35, Černé dny, с. 95]. Он пишет, что на войне к человеку не будет хорошего отношения: к нем будут относиться как к

собаке или свинье: «Říkává nám náš pan hejtman, že jsme psi a prasata» [35, My to vždycky vyhrávali, с. 61].

Шрадек пишет о войне как о страшном сне, где он видел себя убитым: «Hlásím, pane hejtmane, že se mi zdál sen, vojna byla a já ležel v poli zastřelen» [13, Raport]. Ужас войны в том, что умирают даже самые невинные, те, кто этого не заслуживает – например, лошадь: «Na zrovna u mne váš kůň taky pad, nám přáno bylo spolu umírat, to z boží vůle jen; a zvláštní věc, měl jako já prostřelený břich» [13, Raport]. Автор показывает, что лошадь тоже испытала ужас войны: в ее глазах застыла печаль, но чем же она виновата?: «A v jeho očích takový styd žal, kdos divil se v nich, kdos se ptal a ruce lomil v nich; a on... kůň... což byl vinen čím?» [13, Raport]. Ее глаза хотят видеть, но уже не видят, она бы хотела заржать, но горло пересохло: «A oči vědět chtějí, však nevědí, a v hrdle vysychá...; A chtěl by ržát...» [13, Raport]. Шрадек спрашивает у солнца, неужели эта лошадь его не любила? Почему больше не должна звенеть его подкова? Почему небо кровавое? Он призывает мир быстрее вращаться, чтобы эти ужасы прекратились: «Sluníčko zlaté, což neměl on tě rád? Ty už ho nechceš... proč? Proč necinkne už nikdy podkova, proč nebe v krvi, nohy z olova – hó, toč se, světe, toč..!» [13, Raport]. Шрадек еще раз повторяет, что это был страшный сон, что глаза мертвой лошади кричали и спрашивали, почему мы лежим с простреленным животом, но разумный ответ дать невозможно. Таким образом, Ф. Шрадек демонстрирует бессмысленность и абсурдность войны: «Hlásím, pane hejtmane, že byl to strašný sen; ty oči zvířete, ty křičely, křičely na mne, jestli já to vím, proč ležíme tu s břichem děravým – co měl jsem říci jen... » [13, Raport]. Поэт просит, чтобы на войне щадили лошадей. Человек должен идти навстречу смерти, если ему это приказывают, но лошадей не убивайте, потому что они умеют спрашивать, почему не могут жить дольше, а ответить на это нечего: «Hlásím, pane hejtmane, a já to musím říct: tož, člověk rád jde, člověk musí jít, když pán chce, smrti vstříc – však koní šetřte, prosím tisíckrát, to dobytče se strašně umí ptát, proč nesmí žít víc» [13, Raport].

Выводы по главе 4.2.:

Ф. Шрадек – поэт, стремящийся показать читателям, что и в горькой жизни есть светлые стороны. Он называл себя бунтарем-анархистом, но при этом оставался неагрессивным, за рамки дозволенного в поэзии выходил минимально, непристойную мысль старался выразить пристойно, а темные стороны жизни показать не отталкивающе, а с надеждой на что-то хорошее. Мрачные и эротические мотивы свойственны поэту лишь отчасти, Шрадеку более интересна тема абсурдности и бессмысленности войны. Своим творчеством поэт пытается заставить читателей задуматься о более важных вещах, чем кажется на первый взгляд, в шутливых словах скрыта серьезность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Охарактеризовав рубеж XIX-XX вв, проследив процесс формирования и распада генерации бунтарей, подробно ознакомившись с биографиями С. Костки-Нейманна, Ф. Геллнера, Ф. Шрамека и проанализировав «бунтарскую» поэзию литераторов, можно сделать заключительный вывод.

На рубеже XIX-XX вв. в чешской литературе господствовали настроения печали и безысходности, но этот период стал достаточно продуктивным, особенно в поэзии. В стране сложилась ситуация, способствующая росту протеста и как результат – формированию генерации бунтарей.

Бунтарская генерация не просуществовала долго, но оставила яркий след в истории чешской литературы. Она объединила молодых поэтов со схожими взглядами на жизнь, стремлениями и творческими идеями. Поэты придерживались идеей анархизма, выступали за творческий эксперимент, смело выходили за рамки приличий как в своих стихотворениях, так и в реальности. Такой период можно назвать этапом становления на творческом и жизненном пути поэтов, т.к. группа достаточно быстро распалась, и бывшие бунтари-анархисты нашли себя в других, новых ипостасях.

Станислав Костка-Нейманн, Франтишек Геллнер и Франя Шрамак – одни из самых ярких поэтов бунтарской генерации, оставивших чешской литературе качественное и оригинальное культурное наследие. У поэтов было много общего, что делало их хорошим коллективом, но в то же время они были разные. С. Костка-Нейманн был разносторонним человеком с активной жизненной позицией как в жизни, так и в творчестве. Ближе всего ему был политический, серьезный взгляд на жизнь. Ф. Геллнер был человеком легким и общительным, проживающим жизнь исключительно по своим правилам, не задумываясь о последствиях. Наиболее притягательным для него было аморальное времяпровождение: алкоголь и женщины. Ф. Шрамак был самым чувствительным и спокойным из всех, и его бунтарство также окрашено наименее ярко. Он отдавал предпочтение стабильности и мировым проблемам. Можно сказать, что поэты демонстрировали бунтарство в разной степени: С. Костка-Нейманн наиболее ярко, непосредственно через идеи анархизма в поэзии, Ф. Геллнер – чуть менее ярко, главным образом, своим поэтическим и жизненным стилем, Ф. Шрамак – наименее ярко, уделяя больше всего внимания антимилитаристской теме.

Несмотря на различия, поэтов объединяло следующее:

1. Одинаковый возраст
2. Шаткое социальное положение
3. Раннее вступление в литературную жизнь (годы студенчества)
4. Сгруппированность вокруг журнала «Новый культ»

5. Схожие политические взгляды
6. Увлеченность идеями анархизма, непримиримость с реальностью

Целью нашей работы было проследить бунтарские мотивы в поэзии трех названных литераторов и проанализировать своеобразие воплощения темы бунтарства. Проанализировав стихотворения, относящиеся к бунтарскому периоду творчества, можно сделать вывод, что бунтарские мотивы поэты выражали по-разному, но чаще всего в следующих темах:

1. Эротика, аморальность
2. Поклонение сатане, отрицание Бога
3. Смерть
4. Настроения отчаяния, безысходности
5. Тема своей собственной личности
6. Обличение актуальных проблем социума
7. Антимилитаризм
8. Пропаганда анархизма

С. Костка-Нейманн проявлял свою бунтарскую позицию агитационно, смело и остро, но в то же время на высоком художественном уровне. Поэт использовал много нестандартных метафор и образов, обращался к неизвестному адресату, из-за чего его поэзия приобретала неоднозначность. Также его можно назвать мастером громкого слова. Больше всего поэт воплотил бунтарство в теме обличения актуальных проблем общества (языковая цензура, пассивность народа), поклонении сатане, смерти, теме своей собственной личности, пропаганде анархизма, настроениях отчаяния и безысходности.

Ф. Геллнер очень эмоционально и живо описывал то, в чем выражал свой бунт. Он не стеснялся непристойных слов, вызывающего эпатажа, за которыми скрывал лиричность и истерзанность своей души. Наиболее полно он раскрылся в теме своей собственной личности, эротике и аморальности, отрицании Бога, настроениях безысходности и разочарования, смерти.

Ф. Шрадек наоборот выражал свое бунтарство спокойно, без восклицаний, но в то же время поэтично и певуче: он хотел показать читателям, что и во тьме можно найти свет. Он допускал в своей поэзии непристойность и мрачность, но скрашивал их своей верой в лучшее. Поэт отразил свой немногословный протест в теме антимилитаризма, эротике, смерти и настроений отчаяния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. A co básník? Antologie české poezie 20. století. – Praha, 1964
2. Buriánek, F. Bezruč – Toman – Gellner – Šrámek (čs. Spisovatel). – Praha, 1955
3. Buriánek, F. Generace buřičů – Básníci z počátku 20. století. – Praha, 1968
4. Buriánek, F. O české literatuře našeho věku. – Praha, 1972
5. Buriánek, F. Z díla Fr. Gellnera. – Praha, 1952
6. Buriánek, F. Z literárněvědných studií. – Praha, 1985
7. Čapek, K. Fraňa Šrámek: cesty k přátelství / K. Čapek. Praha, 1987
8. Červenka, M. František Gellner a šantánová píseň (Symboly, písně a mýty). – Praha, 1966
9. Česká literatura od počátků k dnešku. – Praha, 1998
10. Česká poezie XX. Století. Klub přátel poezie. – Praha: Československý spisovatel, 1980
11. Čeští prokletí básníci: Antologie. – Brno, 1998
12. Elektronická knihovna. Fraňa Šrámek, Modrý a rudý. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sesity.net/elektronicka-knihovna/modry-a-rudy.pdf> (Дата доступа: 14.05.2016)
13. Fraňa Šrámek (1877-1952), Života bído, přec tě mám rád (1905); Modrý a rudý (1906). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ftp.mgo.opava.cz/kry/jazyk_cesky/citanka/062-sramek.pdf (Дата доступа: 15.05.2016)
14. Gellner, F. Radosti života, nakl. Maťa. – Praha, 2011
15. Hájková, A. S Gellnerem na vojně. – Praha, 1982
16. Halas, F. Mahenovi – sborník k padesátinám, nakl. Družstevní práce. – Praha, 1933
17. Holý, J. Básník v hospodě (Možnosti interpretace). – Olomouc, 2002
18. Hořec, P. Stanislav Neumann / P. Hořec. – Praha, 1963
19. Kovařík, P. Jak se básník František Gellner ztratil světu i sobě. České slovo, 2001, č. 142. – Praha, 1993
20. Krejčí, K. Česká literatura a kulturní proudy evropské. – Praha, 1975
21. Křivánek, V. Dva portréty. František Gellner, Karel Toman (Česká literatura na předělu století). – Praha, 2001
22. Macháček, M. Stanislav K. Neumann / M. Macháček. – Praha, 1985
23. Mourková, J. Gellnerova próza ve vztahu k tvorbě jeho generačních druhů (Buřiči a občané). – Praha, 1988

24. Muzeum Fráni Šrámka. Životopis, dílo. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.franasramek.cz/zivotopis.html> (Дата доступа: 12.05.2016)
25. Neumann, S.K. Rudé spěvy / S.K. Neumann. – Praha, 1960
26. Neumann, S.K. Spisy Stanislava K. Neumanna, svázek první. – Knihovna klasiků, státní nakladatelství krásné literatury a umění. – Praha, 1962-1984
27. Novák, A. Básnický odkaz Františka Gellnera. – Brno, 1926
28. Novák, A. Přehledné dějiny literatury české. – Olomouc, 1936-1939
29. Osobnosti.cz – Spisovatelé – Fráňa Šrámek. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spisovatele.cz/frana-sramek> (Дата доступа: 12.05.2016)
30. Osobnosti.cz – Spisovatelé – Stanislav Kostka Neumann. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spisovatele.cz/stanislav-kostka-neumann> (Дата доступа: 08.05.2016)
31. Pražák, A. Rukověť dějin české literatury III. Doba nová. Bursík a Kohout. – Praha, 1912
32. SK.Neumann – Poezie. Klub mladých komunistů. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sk-neumann.wgz.cz/rubriky/poezie/poezie> (Дата доступа: 11.05.2016)
33. Svozil, B. V krajinách poezie: realismus, impresionismus, dekadence, symbolismus, básnické vývojové tendence z konce 19. století. – Praha, 1979
34. Šalda, F. X. Šaldův zápisník / F. X. Šalda. – Praha, 1990-1995
35. Šrámek, F. Kus krásného snu: básně a dramata – Československý spisovatel – Praha, 1977
36. Šrámek, F. Splav – Československý spisovatel. – Praha, 1967
37. Šťastný, R. Čeští spisovatelé deseti století. Slovník českých spisovatelů od nejstarších dob do počátku 20. století / R. Šťastný. – Praha, 1974
38. Taufer, J. Stanislav Kostka Neumann. Básník, jeho doba a odkaz / J. Taufer. – Praha, 1975
39. Tisíc let české poezie. Sv. 2. – Praha, 1974
40. Träger, J. Osobnost Františka Gellnera. Českožidovský kalendář 1929-30
41. Václavek, B. Česká literatura XX. století – VI. Orel. – Praha, 1935
42. Václavek, B. Literární studie a podobizny. Karel Toman. – Praha, 1962
43. Вострыкава, А.У. Чэшская літаратура памежжа XIX-XX стагоддзяў: вучэбна-метадычны дапаможнік для студэнтаў філалагічных факультэтаў. – Мінск: БДУ, 2008
44. Нейман, С.К. Избранное. – Государственное издательство художественной литературы. – Москва, 1958
45. Шерлаимова, С.А. Станислав Костка Нейман; Академия наук СССР, Институт славяноведения. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959